

На правах рукописи

Гродецкая Анна Глебовна

**ПРОЗА И. А. ГОНЧАРОВА: 1830–1860-е
(биографика, контекст, поэтика)**

Специальность 10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург — 2016

Работа выполнена в Отделе Новой русской литературы ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Официальные оппоненты:

Ольга Владимировна Сливицкая,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО Санкт-Петербургский
государственный институт культуры

Михаил Васильевич Отрадин,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО Санкт-Петербургский
государственный университет

Михаил Викторович Строганов,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО Московский государственный
университет дизайна и технологии,
Институт славянской культуры, Москва

Ведущая организация: ФГБУН Институт мировой литературы им. А. М. Горького

Защита состоится _____ 2016 г. в 14 часов на заседании
Диссертационного совета Д 002.208.01 при Институте русской литературы (Пушкинский
Дом) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте
Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат филологических наук

С. А. Семячко

Общая характеристика работы

В диссертационной работе сопряжены три исследовательских направления, равно актуальных для изучения биографии и литературного наследия Гончарова, и представлены основные этапы его творческого движения — от самого раннего, когда создавались не рассчитанные на публикацию произведения «домашнего содержания», и до позднего — романа «Обрыв» и автокритических статей, ему посвященных.

Биографика¹ в силу известной «закрытости» Гончарова и очевидного дефицита документального материала не теряет актуальности на современном этапе научного знания. «Гончаров унес в могилу, — писал И. Ф. Анненский, — большую часть нитей от своего творчества. Трудно в сглаженных страницах, которые он скупно выдавал из своей поэтической мастерской, разглядеть поэта. Писем его нет, на признания он был сдержан».² То, что писем нет, не совсем верно, письма, разумеется, есть, однако самые ранние из сохранившихся писем Гончарова относятся к 1842 году,³ а это письма тридцатилетнего человека. Значительные периоды в личностном и творческом развитии Гончарова эпистолярно не представлены.

Не склонный к автомемуарным признаниям, считавший «робость» и «некоторое недоверие к себе» «первыми признаками таланта»,⁴ предельно критичный в оценке своих ранних «екзерциций пера», Гончаров оставил о них самые немногочисленные свидетельства. Так, в Автобиографии 1858 года он сообщал: «Сблизившись коротко с семейством артиста-живописца Н. А. Майкова (отца известного поэта), Гончаров участвовал с ними в домашних, так сказать, то есть не публичных, занятиях литературою. <...> Он писал, в этом домашнем кругу, и повести, также домашнего содержания, то есть такие, которые относились к частным случаям или лицам, больше шуточного содержания и ничем не замечательные».⁵

---

¹ Термин объединяет как метод биографического исследования, так и его результаты — собственно биографическое знание. См.: *Валевский А. Л.* 1) Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993; 2) *Валевский А. Л.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // *Лица: Биограф. альманах*. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. [Вып.] 6. С. 32–68; *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте: (К типологическому соотношению текста и личности автора) // *Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т.* Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 365–376; *Петровская И. Ф.* Биографика. Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб.: Logos, 2003; *Беленький И. Л.* Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // *История через личность: Историческая биография сегодня*. М.: Круг, 2005. С. 37–54; и др.

² *Анненский Ин.* Гончаров и его Обломов // *Анненский Ин. Книги отражений*. М.: Наука, 1979. С. 252.

³ См.: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб.: Наука, 2016. Т. 15: Письма. 1842 — январь 1855 / ред. тома А. Ю. Балакин; тексты и примеч. подгот. А. Г. Гродецкая (*в печати*). Далее ссылки на ПССиП Гончарова даются сокращенно, с указанием тома (римской цифрой) и страницы.

⁴ *И. А. Гончаров и К. К. Романов: Неизданная переписка*. К. Р. Стихотворения. Драма / сост., вступ. ст., подгот. текста, комм. Е. К. Демиховской, О. А. Демиховской. Псков: ПОИПК, 1992. С. 33 (письмо к вел. кн. Константину Константиновичу; янв. 1884).

⁵ *Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 7. С. 219. Далее ссылки на это издание даются сокращенно, с указанием тома (арабской цифрой) и страницы.

Это признание писателя среди прочих дает основание для актуализации в исследовании *домашних* аспектов.

Так называемый «майковский период» творчества Гончарова (1835–1842), связанный с его участием в рукописных изданиях семьи Майковых — журнале «Подснежник» (1835, 1836, 1838) и альманахе «Лунные ночи» (1839), в научной и биографической литературе освещен в общих чертах.⁶ Многие обстоятельства этого периода, как и лица, входившие в ближайшее окружение Майковых и Гончарова, до последнего времени оставались неизвестными. Почти не исследованы служебные и литературные контакты писателя в Департаменте внешней торговли Министерства финансов, тогда как Департамент при министре финансов *литераторе* Е. Ф. Канкрине⁷ (высоко ценившем умение писать «официальную прозу»⁸), при вице-директоре Департамента П. А. Вяземском, директоре канцелярии А. М. Княжевиче, позднее — В. Андр. Солоницыне, при служивших там же Н. В. Кукольнике, В. Г. Бенедиктове, А. П. Крюкове, П. П. Ершове, Е. Ф. Корше представлял по-своему уникальное явление.

В первой главе диссертационной работы на основе архивных и мемуарных материалов воссоздан феномен литературного дома Майковых (это не салон и не кружок), обстоятельно исследуется в документально-биографическом и типологическом аспектах «домашнее» творчество Майковых и их родственно-дружеского круга.

Дом Майковых — это и художественно-мемуарная конструкция в текстах Гончарова. Определяющими в ней являются темы и мотивы, которые могут быть отнесены к числу инвариантных в прозе писателя. Войдя в 1835 г. в семью на правах домашнего учителя Аполлона и Валериана Майковых, Гончаров на десятилетия сохранил со старшими и младшими Майковыми домашнюю близость, которая в его восприятии и интерпретации оформилась в идиллической тональности («укромный и много любимый уголок», «маленький кружок» и проч.). Для прозы писателя в целом актуальна идиллическая топика *дома* во всем многообразии ее компонентов. В более широком плане *идиллическое* входит в архитектуру всех трех романов Гончарова (мир провинции, локальный «мирок» Обломовки и Выборгской стороны, крымского коттеджа Штольцев, «идиллический человек»

---

⁶ См.: *Mazon A. Un maître du roman russe, Ivan Gontcharov: 1812–1891. Paris, 1914. P. 51–56; Ляцкий Е. А. 1) Гончаров: Жизнь, личность, творчество: Критико-биографические очерки. 3-е изд. Стокгольм: Сев. огни, 1920. С. 109–114; 2) Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова: Жизнь и быт: 1812–1857. Прага: Пламя, 1925. С. 111–117; Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М.: АН СССР, 1950. С. 28–30; Рыбасов А. П. И. А. Гончаров. М.: Мол. гвардия, 1957. С. 28–48; Деркач С. С. И. А. Гончаров и кружок Майковых // Учен. зап. ЛГУ. 1971. № 355. Сер. филол. наук. Вып. 76. С. 18–38; и др.*

⁷ Библиографические сведения о его беллетристике, путевых очерках и трактате по эстетике, написанных по-немецки и по причине «сильного писательского самолюбия» автора публиковавшихся анонимно, см.: *Лебедев В. А. Граф Егор Францевич Канкрин. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896. С. 12–13.*

⁸ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. IV. С. 302 (письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 1 ноября 1844 г.).

Обломов, Ликейские острова во «Фрегате “Паллада”», Марфинька в «Обрыве») и остается, вслед классическим тезисам М. М. Бахтина,⁹ предметом обстоятельного научного анализа (в работах М. В. Отрадина, А. А. Фаустова, Е. И. Ляпушкиной, П. Тиргена, Х. Роте, Й. Кляйна и др.).

Ранняя проза Гончарова рассматривается в диссертационном исследовании прежде всего в контексте «домашнего» творчества круга Майковых, вне которого невозможна ее адекватная интерпретация. Для каждого из ранних произведений определяется и более широкий контекст — общеэпохальный, жанровый, стилевой. Судьбы малоизвестных литераторов из круга Майковых, разнообразные проявления в нем «бытового романтизма» (Л. Я. Гинзбург), как и «позитивизм» редактора рукописных изданий В. Андр. Солоницына представлены в работе как «текст жизни», прообразующий персонажные модели и сюжетные ситуации в «Обыкновенной истории».

Исследование поэтики Гончарова с учетом тех ее элементов, которые оформились в ранних текстах, продолжается в следующих главах работы. Соотнесение внетекстовых и текстовых реалий в «Обломове» ставит проблему атемпоральной (ахронной) временной модели в романе и авторских стратегий деисторизации событий и ситуаций в направлении универсализации их смысла. Реалии в тексте романа в диссертационном исследовании осмыслены и в их эмпирической конкретике, и как части единого сюжетного целого.

Анализ концепции нигилизма в «Обрыве» возвращает к «домашнему» протосюжету романа, связанному с «историей с нигилистом» в семье Майковых. Широкий литературный и философско-публицистический контекст, в котором рассматривается концепция нигилизма в «Обрыве», позволяет определить ее особенности. Специфические формы и функции иронии в текстах Гончарова исследуются в последней главе работы, здесь же рассматриваются малоизвестные аспекты критической рецепции романистики писателя. Самостоятельный сюжет составил феномен «несостоявшегося диалога» Гончарова со Львом Толстым.

Степень научной разработанности проблемы.

Биографическая составляющая раннего творчества Гончарова, как и его «домашний» контекст, изучены в минимальной степени: публикаторы ранних текстов писателя (Е. А. Ляцкий, А. П. Рыбасов, Б. М. Энгельгардт, А. Г. Цейтлин) впервые вводили их в научный оборот, исследование текстов носило предварительный характер, ближайший контекст реконструировался на основании недостаточных документальных данных. В позднейших работах ученых, занимавшихся ранней прозой Гончарова (О. А. Демиховская, Н. Г. Евстратов, С. С. Деркач, В. П. Сомов), не проводилось текстологическое и историко-

---

⁹ См.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 383.

литературное исследование рукописных изданий семьи Майковых («Подснежник» и «Лунные ночи»). В настоящей работе такое исследование предпринято впервые.

Основные проблемные центры прозы Гончарова — художественный метод, особенности характерологии и сюжетостроения, принципы типизации, специфика авторской «объективности» подробно освещены в работах Н. К. Пиксанова, А. Г. Цейтлина, Н. И. Пруцкова, В. А. Недзвецкого, Е. А. Краснощековой, Л. С. Гейро, М. В. Отрадина, В. А. Котельникова, В. А. Туниманова, В. И. Мельника, Н. А. Гузь, Вс. Сечкарева, М. Эре. Творчество писателя в литературном контексте и в свете литературных традиций рассматривалось В. А. Недзвецким, Е. А. Краснощековой, М. В. Отрадиным, В. И. Сахаровым, В. И. Мельником, Л. А. Сапченко, В. И. Глуховым. Различным аспектам эстетики и поэтики Гончарова посвящены работы Е. М. Таборисской, А. А. Фаустова, П. Тиргена, Г. Димент, В. Н. Криволапова, О. Г. Постнова, Е. И. Ляпушкиной, Т. Б. Ильинской, А. Молнар. Стилистика и нарративные структуры прозы писателя явились предметом исследования в работах А. В. Чичерина, В. М. Марковича, П. И. Бухаркина, Н. М. Нагорной, Х. М. Мухамидиновой и других.

Интересы гончароведов традиционно сосредоточены на романной «трилогии» писателя. Недостаточно изучены его очерковая проза, критические статьи, эпистолярный. Комизм и юмор Гончарова остаются одним из постоянных объектов научного анализа (в работах М. В. Отрадина, Ю. В. Балакшиной, Г. Г. Багаутдиновой и др.), рассматривался и феномен самотравестирования в его прозе и эпистолярии (Л. С. Гейро, М. Эре, А. Бурмейстер). Ирония Гончарова в специфике ее форм и функций почти не привлекала внимания ученых. Необходимость введения в научный оборот неизвестного и малоизученного материала обусловила **актуальность** данного диссертационного исследования.

Объектом исследования является совокупность художественных, автокритических и эпистолярных текстов Гончарова.

Предмет исследования — различные аспекты соотношения художественного текста с «текстом жизни» и «текстом эпохи».

Цель диссертационной работы состоит в комплексном исследовании жанрово-стилевых, персонажных моделей и нарративных структур в прозе Гончарова на разных этапах творчества, в воссоздании во всех случаях историко-культурного, литературного и биографического контекста, в которых формировались и сюжетно оформлялись его художественные замыслы, начиная с «домашнего» контекста, вне которого не могут рассматриваться его ранние произведения.

Достижение этой цели предполагает решение ряда **основных задач**:

— воссоздать на основе мемуарных и архивных свидетельств феномен литературного дома Майковых, включая его репрезентацию в текстах Гончарова;

— провести текстологическое и типологическое исследование «домашних» рукописных изданий семьи Майковых («Подснежник» и «Лунные ночи»; 4 тома, ок. 400 листов в каждом), уточнить датировку выпусков, степень их сохранности в семейном архиве, определить тип изданий, их общую идейно-эстетическую направленность, уточнить состав участников (более 20 авторов), выявить биографические и творческие данные для каждого;

— реконструировать биографию создателя и редактора рукописных изданий «анонимного литератора» В. Андр. Солоницына, соредактора О. И. Сенковского по «Библиотеке для чтения», определить его редакторские стратегии в «Подснежнике» и «Лунных ночах», исследовать его малоизвестное эпистолярное и литературное «наследие»;

— провести комплексное исследование ранних стихотворений и прозы Гончарова, определить жанрово-стилевые модели, на которые они ориентированы, охарактеризовать особенности поэтики ранней прозы, выявить те ее элементы, которые останутся устойчивыми на более поздних этапах творчества писателя;

— рассмотреть все случаи утраченных, найденных и приписываемых Гончарову текстов раннего периода;

— исследовать сюжеты, связанные с домом Майковых, в их биографической и творческой перспективе;

— исследовать семантику и функции историко-культурных реалий в «Обломове»; проанализировать особенности отражения в тексте романа «текста эпохи»;

— рассмотреть топографические реалии в «Обломове», определить специфику «петербургского текста» в романе;

— исследовать генезис и функции «готовых» лексико-стилевых формул в тексте «Обломова», продемонстрировать их автореферентный (интратекстуальный) характер;

— рассмотреть генезис и концепцию образа нигилиста Марка Волохова в «Обрыве»;

— описать авторскую концептуальную модель русского нигилизма, реализованную в романе, в соотношении с основными тенденциями современной роману беллетристики и публицистики;

— обосновать функционирование явления автоироничности и пародичности в качестве константного в текстах Гончарова; продемонстрировать феномен аксиологической двойственности — также в качестве одной из констант в поэтике писателя;

— исследовать малоизученные аспекты критической рецепции современниками романистики Гончарова; реконструировать реакцию на роман «Обломов» Н. Г. Чернышевского;

— воссоздать историю взаимоотношений Гончарова с Л. Н. Толстым в биографическом и творческом аспектах, исследовать переписку, проанализировать специфику взаимооценок, разъяснить феномен «несостоявшегося диалога» писателей.

Методология диссертационного исследования сочетает принципы биографики с историко-литературным, сравнительно-типологическим и собственно структурным анализом текстов Гончарова разных творческих периодов. В области биографики мы ориентировались на работы Ю. М. Лотмана, А. И. Рейтблата, А. Л. Валевского, И. Ф. Петровской, Б. Л. Бессонова; при анализе произведений Гончарова 1830-х гг. — на исследования поэтики западноевропейского и русского романтизма Н. Я. Берковского, Г. А. Гуковского, В. Э. Вацура, Ю. В. Манна, В. М. Марковича, В. И. Коровина, И. В. Карташовой, В. И. Сахарова и др.; при рассмотрении идиллической топики в прозе Гончарова учитывались работы по исторической поэтике идиллии Т. В. Саськовой, И. С. Абрамовской, Н. В. Забабуровой. Анализ специфики отражения «текста эпохи» в тексте «Обломова» опирался на работы Ю. М. Лотмана, Л. Я. Гинзбург, Б. Ф. Егорова, Д. И. Раскина, Л. Е. Шепелёва, Л. С. Гейро; при рассмотрении концепции нигилизма в «Обрыве» были учтены работы историков шестидесятничества Б. П. Козьмина, А. И. Новикова, Ф. Ф. Кузнецова, Л. М. Искры и исследователей нигилистической беллетристики и журналистики В. Е. Евгеньева-Максимова, Ю. С. Сорокина, А. И. Батюто, Г. Е. Тamarченко, Г. В. Краснова, В. А. Викторovichа, И. Паперно, Г. А. Склейнис, Н. Н. Старыгиной и др.

Теоретико-концептуальную базу диссертационной работы составили труды по теории литературы (включая исследования по типологии жанров, поэтике сюжета и мотива) М. М. Бахтина, Е. М. Мелетинского, Ю. Н. Тынянова, Ю. М. Лотмана, Б. М. Гаспарова, Л. Я. Гинзбург, А. В. Михайлова, А. А. Морозова, В. Н. Топорова, Ю. С. Степанова, Н. Д. Тamarченко, С. Н. Бройтмана, В. И. Тюпы, В. Е. Хализева, И. П. Смирнова, И. В. Силантьева, А. А. Фаустова и др.

Источниками исследования в его историко-биографической части стали архивные материалы различных архивохранилищ (РГИА, РГАЛИ, РГБ, РНБ), главным образом — богатый семейный фонд Майковых (ИРЛИ), сохранивший рукописные издания «Подснежник» и «Лунные ночи» и обширную переписку семьи, отчасти восполняющую дефицит эпистолярия Гончарова 1830–1840-х гг. Широко использовались и архивные материалы Гончарова, в том числе рукописные редакции его произведений и подлинники писем. В большом количестве к исследованию привлекались материалы, связанные с творчеством литераторов из его ближайшего круга и писателей-современников (В. Андр. и В. Ап. Солоницыных, Евг. П., А. Н., Вал. Н., Вл. Н. Майковых, О. И. Сенковского, В. Г. Бенедиктова, И. И. Панаева, Н. А. Некрасова, В. А. Соллогуба, А. А. Григорьева,

И. С. Тургенева, А. И. Герцена, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, М. Н. Каткова, Н. Н. Страхова, Л. Н. Толстого), также материалы критики, публицистики, мемуаристики, журнальной и газетной периодики.

Научная новизна исследования определяется прежде всего тем материалом, который впервые вводится в научный оборот. В работе впервые проведен комплексный проблемно-тематический, жанрово-типологический и структурный анализ ранних произведений писателя, реконструирован контекст его раннего творчества. В романах Гончарова исследуются специфические авторские стратегии претворения в художественном тексте «текста эпохи». Константы поэтики писателя (постоянство форм и функций иронии, двойственность художественной оптики) фиксируются на материале прозы разных творческих этапов. В диалоге Гончарова с современниками исследуются те аспекты, которые ранее не были объектом научного анализа (Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Решающее значение в творческом самоопределении Гончарова имел литературный дом Майковых. В рукописных изданиях семьи, журнале «Подснежник» и альманахе «Лунные ночи», состоялась «публикация» его ранних произведений, интерпретация которых должна учитывать «домашний» литературный контекст и идейно-эстетические установки редактора изданий В. Андр. Солоницына. «Жизненный текст» дома Майковых во многих отношениях прообразовал персонажную сферу и сюжетные ситуации в первом романе Гончарова — «Обыкновенной истории».
2. В ранних текстах намечаются важнейшие персонажные модели гончаровской прозы и оформляется ряд структурных элементов, которые останутся устойчивыми и специфичными для его поэтики, в частности, принцип оппозитивности, генетически связанный с системой романтических оппозиций.
3. Авторская интенция в ранних повестях не является антиромантической, как до недавнего времени было принято считать. Ирония автора в повести «Счастливая ошибка» не является иронией пародии, но имеет характер пародичности (Ю. Н. Тынянов), который сохранится и позднее как стилеобразующий элемент в текстах писателя. Ранние тексты отразили ситуацию стилевой переходности и демонстрируют эффект столкновения *стилевого* и *нестилевого* слова. В «Лихой болести» и «Счастливой ошибке» использованы обе архетипические сюжетные модели, кумулятивная и циклическая, которые останутся функциональными и в других текстах Гончарова.

4. Среди анонимных произведений в рукописных изданиях семьи Майковых нет текстов, которые могли бы быть приписаны Гончарову.

5. В «Обломове» общая авторская генерализующая тенденция определяет специфическую атемпоральную модель в романе и стратегию деисторизации исторических реалий.

6. Для Гончарова характерно использование «готовых» лексико-стилевых формул, которые имеют автореферентный характер, актуализируя в его текстах «память» соответствующих литературных явлений.

7. Исследование значительного комплекса литературных и философско-публицистических материалов, проясняя специфику модели нигилизма в романе «Обрыв», приводит к выводу: Гончаров, в отличие от многих его современников, не видел в русском нигилизме катастрофических социально-исторических предзнаменований и представления о фатальном национальном зле в свою концепцию нигилизма не вложил. Марк Волохов представлен в романе по преимуществу «эксцентриком» и «искателем роли», в соответствии с определениями, данными ему писателем в автокритических статьях о романе.

8. В «Обрыве» имеются структурные элементы, как соответствующие типологической модели антинигилистического романа, так и не отвечающие данной модели. Автор «Обрыва» не исследует феномена вождизма, манипуляции чужим (массовым) сознанием, в отличие от И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, А. Ф. Писемского, Ф. М. Достоевского и авторов массового антинигилистического романа.

9. К числу констант в поэтике Гончарова относятся специфические формы иронии и автоиронии, реализующиеся на разных текстовых уровнях, и аксиологическая двойственность в презентации художественного объекта.

10. Критическое неприятие Н. Г. Чернышевским идейно-художественных принципов автора «Обломова» нашло выражение в нескольких его опубликованных и неопубликованных текстах и в полемических проекциях на текст «Обломова» в романе «Что делать?».

11. Личный и эпистолярный диалог Гончарова и Льва Толстого имеет всего две фазы, раннюю (1850-е) и позднюю (1880-е), которые разделяет 30 лет молчания и отсутствия взаимного интереса. В основе «несостоявшегося диалога» двух романистов лежат как личностно-психологические, так и эстетические расхождения.

Научно-практическая значимость. Материалы и результаты диссертационного исследования имеют значение и для специалистов-филологов, и для широкого круга

заинтересованных читателей. Результаты исследования составят необходимый материал для научной подготовки томов ПССиП Гончарова, для «Летописи жизни и творчества» и научной биографии писателя, будут востребованы при подготовке научных и научно-критических изданий его прозы. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах и спецкурсах по истории русской литературы XIX века, по творчеству Гончарова и его современников, при разработке соответствующих учебных и методических пособий.

Апробация работы. Материалы и основные положения диссертационного исследования прошли апробацию при публикации в томах академического ПССиП Гончарова (тома 1, 3, 5, 6, 8₁, 8₂, 10, 15) и в других комментированных критических изданиях его текстов, также в периодических научных изданиях и тематических сборниках, посвященных творчеству Гончарова и его современников, полный перечень которых приведен в списке опубликованных работ. По материалам исследования были сделаны доклады на международных научных конференциях: в Ульяновске, посвященных юбилеям Гончарова (1992, 2007); в Ясной Поляне «Лев Толстой и мировая литература» (1998, 2003, 2007, 2008, 2010, 2012); в Ноттингеме (Англия) «Два века сатиры и юмора в русской литературе» (2000); в Казани «Молодой Л. Н. Толстой» (2001); на Третьих и Пярых Константиновских чтениях в Санкт-Петербурге и Кронштадте (2002, 2005); в Липецке «Русская классика: Проблемы интерпретации» (2005); на филологическом факультете СПбГУ (2006, 2012); в ИМЛИ «Толстой и русские писатели» (2007, 2010); на I и II Международных текстологических семинарах в Ясной Поляне, организованных ИМЛИ (2008, 2009); в Нью-Йорке «Tolstoy in the Twenty-First Century» (2010); в Иерусалиме «Лев Толстой: После юбилея» (2011); в ИРЛИ «Актуальные проблемы текстологии русской литературы» (2001); «“Обломов”: Sine ira...» (2009); юбилейная конференция к 200-летию И. А. Гончарова (2012); «От “Записок охотника” к “Отцам и детям”» (2012); юбилейная Тургеневская конференция (2013); в Пушкине «Пушкинские чтения-2015» (2015); в Твери «Водные пути: пути жизни, пути культуры» (2015). Материалы работы использовались при проведении аспирантских семинаров в ИРЛИ по теме: «Текстология русской классики: теория и практика (Толстой, Гончаров)» (2009).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, раздела «Приложения», библиографии, включающей перечень архивных источников и список использованной литературы, и списка сокращений.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснована актуальность работы, степень разработанности поставленных проблем, сформулированы цель, задачи и методика исследования, определяющие ее структуру.

Глава 1-я «Литературный дом Майковых в творческом самоопределении Гончарова» посвящена «майковскому периоду» творчества писателя (1835–1842). В подразделе «**Дом Майковых: кружок, салон или литературный дом**» поставлен вопрос о дефинициях, адекватно отражающих суть явления: это не салон, поскольку художественный быт «фамилии талантов» не был этикетно-салонным, и не кружок, поскольку в большой семье не было кружковой идеологии. К этому выводу приводит исследование собранных в разделе мемуарных, эпистолярных и архивных свидетельств (И. И. Панаев, А. В. Старчевский, Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, С. Д. Яновский, Д. В. Григорович, Г. П. Данилевский, А. М. Скабичевский и др.). Дом Майковых представлен и в текстах Гончарова — в «домашней» прозе, письмах, некрологах «В. Н. Майков» (1847), «Н. А. Майков» (1873).

В подразделе «**“Его мнения имели в нашем доме значение высокого авторитета”**: **Владимир Андреевич Солоницын**» собраны биографические данные (в том числе о службе в Департаменте внешней торговли Министерства финансов, где с ним познакомился Гончаров) и сведения о литературной, журналистской и переводческой деятельности малоизвестного литератора В. Андр. Солоницына (1804–1844), центральной фигуры майковского круга. Воссозданы на основе архивных и мемуарных источников история его отношений с семьей Майковых, обстоятельства соредакторства в «Библиотеке для чтения» и контактов с О. И. Сенковским, переводческой деятельности (Солоницын — один из первых в России переводчиков Диккенса). Объектом анализа стали две опубликованные Солоницыным повести — «Медовый месяц» («Библиотека для чтения», 1840) и «Царь — рука Божья» («Москвитянин», 1841) и неопубликованная проза в рукописных «Подснежнике» и «Лунных ночах». «Положительный» человек, «эмпирик» в кругу «энтузиастов» и «мечтателей», «любивший труд до самозабвения», по свидетельству Л. Н. Майкова в его неоконченной биографии,¹⁰ Солоницын был одним из прототипов Петра Адуева в «Обыкновенной истории», как считали современники Гончарова. Жизненные принципы Солоницына прообразуют весь типологический ряд героев-деятели, противостоящих в прозе Гончарова героям-мечтателям. Связанные с ним биографические и психологические подробности, имея самостоятельную историко-литературную ценность, актуальны и для понимания специфики гончаровской характерологии.

---

¹⁰ См.: Mazon A. Un maître du roman russe, Ivan Gontcharov. P. 422–424.

В подразделе *«Домашнее литературное творчество: журнал “Подснежник” (1835, 1836, 1838) и альманах “Лунные ночи” (1839)»* приводятся результаты текстологического и типологического исследования «домашних» рукописных изданий семьи Майковых (4 тома, ок. 400 листов в каждом). Издания не являются собраниями автографов, нет в них и автографов Гончарова. По типу издания «Подснежник» — журнал, ориентированный прежде всего на «энциклопедическую» «Библиотеку для чтения», «Лунные ночи» — альманах. Исследование состава 12-ти «тетрадей» «Подснежника» (переплетенных в 3 тома) и датировок отдельных помещенных в нем произведений позволило уточнить датировку томов журнала и установить факт их полной сохранности в семейном архиве Майковых. Точная датировка выпусков «Подснежника» служит основанием для датировки «опубликованных» в нем четырех стихотворений Гончарова (1835). Только с учетом времени создания стихотворений решается проблема их зависимости от творчества современников начинающего писателя, будь то Пушкин, Лермонтов или Бенедиктов.

В разделе представлен полный состав участников рукописных изданий (24 автора), при этом выявлены ранее не упоминавшиеся имена (как Е. Ф. Корш, В. П. Бороздна, брат поэта И. П. Бороздны, В. А. Алябьев, брат композитора, И. Г. Карелин, малоизвестный поэт, уроженец Оренбурга, и др.), установлены биографические данные, охарактеризован творческий «кругозор» каждого. Самым «продуктивным» автором в домашних изданиях была Евг. П. Майкова. Ей принадлежит в «Подснежнике» и «Лунных ночах» более двух десятков стихотворений — от меланхолических романсов и элегий до гневных инвектив «мишурному» свету. Количественно и эмоционально не уступает стихам и ее проза: она автор пяти «ультраромантических» повестей («Мария», «Сила души», «Что она такое?», «Листок из журнала», «Рассказ из частной жизни») и многочисленных «мелочей» — пасторальных картинок («Деревня»), сентенциозных «отрывков» («Терпение», «Дружба», «Отрывок из жизни мечтательной») и проч. К жанровому и стилевому клише у Евг. Майковой был особый вкус: трудно подобрать более полный и более пестрый репертуар сентиментально-чувствительных и бурно-романтических «общих мест», чем тот, что представлен ее стихами и прозой. Заслуживает внимания и ранняя проза Ап. Майкова (никогда не публиковавшаяся). В «Подснежнике» и «Лунных ночах» ему принадлежит шесть живых и остроумных повестей, отчасти повторяющих фельетонную манеру О. И. Сенковского. Через искушение прозой Сенковского прошел и начинающий Гончаров, что редко отмечают исследователи его раннего творчества.

Определяется в данном подразделе и редакторская политика инициатора рукописных изданий В. Андр. Солоницына. Общая направленность домашнего «Подснежника» соответствовала «духу» «Библиотеки для чтения», который Белинский в статье

«Петербургская литература» (1845) характеризовал так: «Как в московских журналах царствовал энтузиазм и идеальность, так в “Библиотеке для чтения” явился дух положительности, иронии и насмешки <...>. Впрочем, это шуточное направление оказало свою пользу, как противодействие детскому и неосновательному идеализму и энтузиазму, который и при умеренности бывает смешон, а в крайностях просто невыносим».¹¹

Проявления «бытового романтизма» (Л. Я. Гинзбург) в рукописных домашних изданиях Майковых ярки и многообразны. Ситуации, предвосхищающие проблематику романтического *эпигонства* в «Обыкновенной истории», Гончаров мог в этом кругу наблюдать в их жизненной подлинности. Исследуется в данном подразделе и помещенная в «Лунных ночах» (1839) повесть Солоницына «Сказание о великом поэте, который начал писать стихи и перестал писать стихи», опередившая целый ряд произведений, пародирующих романтический тип поведения и претензию на поэтическую одаренность, как «Без вести пропавший пиита» (1840) Н. А. Некрасова, «Приезжий из уезда, или Суматоха в столице» (1841) А. Ф. Вельмана и др. Обратившись к теме «утраченных иллюзий», Солоницын почти на десятилетие опередил и автора «Обыкновенной истории», на которого, как полагал А. Мазон, его повесть «могла оказать некоторое влияние».¹²

Во 2-м разделе «*Домашние стихи и проза Гончарова*» освещен вопрос о «преодолении» писателем юношеского романтизма. В опыте гончаровского поколения — у В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, И. И. Панаева и многих других расставание с романтизмом юности составило необходимый и далеко не безболезненный этап. Творческая эволюция Гончарова как «человека тридцатых годов» не вполне укладывается в общую для поколения схему. Авторская ирония по отношению к героям-романтикам в повестях «Лихая болезнь» (1838) и «Счастливая ошибка» (1839), ироническое использование в них важнейших идейно-стилевых элементов романтического канона говорят о том, что идеализмом и мечтательностью автор повестей был «заражен» куда менее своих современников. Во всяком случае, его «отрезвление» произошло раньше и безболезненнее, чем у многих из них. Однако проблема «рано преодоленного» Гончаровым романтизма далеко не однозначна. Романтическая оппозиция *идеала—действительности* сохраняет актуальность для всех трех его романов, формируя тип мировосприятия центральных персонажей. «Большие романы Гончарова, — отмечает эту закономерность В. А. Котельников, — это романы о *русском идеалисте*. Он всегда главный и, в сущности, единственный настоящий герой писателя».¹³ Задачу изображения «в высшей степени идеалиста» как «сверхзамысел» писателя, реализованный им в различных

¹¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 7. С. 256.

¹² Мазон А. Un maître du roman russe, Ivan Gontcharov. P. 425.

¹³ Котельников В. А. Иван Александрович Гончаров. М.: Просвещение, 1993. С. 67.

сюжетных вариантах, рассматривает в своей монографии и Е. А. Краснощекова.¹⁴ И в пошлом Иване Савиче Поджабрине, герое раннего гончаровского очерка, как убедительно продемонстрировал М. В. Отрадин, «проявился “извечный” человеческий романтизм».¹⁵ Тяготая по природе своего творческого дара к широчайшим обобщениям, Гончаров делает героя-романтика, «в высшей степени идеалиста», в полном смысле слова *обыкновенным*,¹⁶ т. е. подлинно универсальным, общечеловеческим типом. Не раз, кроме того, отмечалось, что тексты Гончарова несвободны от романтической фразеологии. Не только фразеология, но и опорные романтические категории и «простейшие оппозиции» (Ю. В. Манн) сохраняются в качестве структурных элементов в большинстве гончаровских текстов. Сам принцип *оппозитивности* остается в его прозе одним из важнейших архитектурных принципов. Именно во взаимоотражении компонентов оппозиций уточняются их смысловые оттенки. Естественной авторской стратегией при этом становится дистанцирование от каждой из «сторон», находящихся в отношениях оппозитивности, в качестве наблюдателя процесса их взаимодискредитации и взаимодополнения. В прозе 1830-х годов формируется и один из ее важных стилеобразующих элементов — гибкая повествовательная ирония (пародичность), питающая трезвую авторскую объективность.

Четыре стихотворения в рукописном «Подснежнике» за 1835 год в подразделе «Стихи Гончарова в “Подснежнике” и элегии Александра Адуева в “Обыкновенной истории”» рассматриваются как важнейшее свидетельство творческой самоидентификации начинающего писателя, позволяющее судить о степени его зависимости от тех или иных стилевых канонов. Откровенно подражательные, стихи Гончарова следуют тематическим, образным, фразеологическим шаблонам массовой поэзии 1820–1830-х годов, а декламационностью и некоторой архаичностью лексических и синтаксических форм напоминают и более ранние, преромантические, образцы. Сложившееся в научной литературе мнение о подражании Гончарова Бенедиктову и Лермонтову в ходе нашего анализа не находит подтверждения. Стихи Гончарова принадлежат бытовой элегической традиции, как и большая часть поэтической продукции в майковских журналах. Стихотворения «Тоска и радость» и «Романс» Гончаров включил в текст «Обыкновенной истории» как образцы дилетантских поэтических опытов Александра Адуева, усилив в одном случае в тексте эпигонские мотивы, в другом — повторив пародийный прием

---

¹⁴ Краснощекова Е. А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. С. 14–17 и след.

¹⁵ Отрадин М. В. Первый «идеалист» Гончарова. «Иван Савич Поджабрин» // Отрадин М. В. Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 5–23.

¹⁶ О поэтике «обыкновенного» у Гончарова см.: Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров — романист и художник. М.: МГУ, 1992. С. 5–12; Фаустов А. А. Обыкновенная, слишком обыкновенная история // Савинков С. В., Фаустов А. А. Аспекты русской литературной характерологии. М.: Изд-во Кулагиной – Интрада, 2010. С. 246–257; и др.

Пушкина, изобразившего в «Евгении Онегине» романтика Ленского заснувшим над собственной элегией.

«Домашний» характер повести «Лихая болеть» (1838) определяется узнаваемостью прототипов ее героев (семьи Майковых). В подразделе **«К типологии оппозиций: покой–беспокойство в “Лихой болести”»** «болеть» героев повести — семейства Зуровых, «одержимых» страстью к ежедневным загородным прогулкам и вследствие прогрессирующей «мономании» уезжающих в Швейцарию, затем в Америку, где они и погибают, рассматривается в качестве комически сниженного эквивалента романтического Sehnsucht, томления по небывалому. В антипode Зуровых, не сходящем с дивана Никоне Устиновиче Тяжеленко, прообразе Обломова, есть очевидные черты авторской самопародии. Тяжеленко сближают с Обломовым привычка философствовать лежа, склонность к высокопарным монологам, избыток красноречия при недостатке движения. Комический Тяжеленко предвосхищает не только лишнюю комизма фигуру главного героя гончаровского романа, но и мучительную для самого писателя проблему «неуклюжести», «неподвижности форм, в которых заключена <...> жизнь» (из письма к Е. А. и М. А. Языковым от 23 августа 1852 г.). Не утратила значения для «Обломова» и этимологизированная фамилия героя ранней повести: по замечанию Штольца, причиной «сна души» Ильи Ильича становится «тяжесть тела» (IV, 170).

Пolemическая задача автора «Лихой болести» на протяжении десятилетий определялась в научной литературе как антиромантическая (А. Г. Цейтлин, А. П. Рыбасов, О. А. Демиховская, Н. Г. Евстратов, В. П. Сомов и др.). Общая направленность рукописных журналов семьи Майковых не была антиромантической, в «Подснежнике» и «Лунных ночах» иронически обыгрывались и пародировались романтические крайности и идейно-стилевые трафареты романтизма. Авторская задача в «домашних» повестях Гончарова этой установке полностью соответствует.

Зависимость начинающего автора от сложившихся сюжетно-жанровых и стиливых моделей современной ему литературы и известную критичность по отношению к ним демонстрирует повесть «Счастливая ошибка» (1839), принадлежащая к популярному в 1830-е гг. жанру светской повести (подраздел **«К жанровой типологии: “Счастливая ошибка” в контексте светской повести»**). Жанровому канону у Гончарова соответствуют и материал, и выбор героев, принадлежащих к кругу столичной аристократии, и ряд структурных элементов, как тематических (тема светского воспитания), так и дескриптивных (описание бала, будуара светской красавицы и др.). Если у последовательных романтиков сюжетную основу в светских повестях составляет любовно-психологическая драма с обязательной трагической развязкой (кроваво-мелодраматической у эпигонов) и счастливые

финалы, вроде тенденциозного финала в «Испытании» А. Марлинского, исключительно редки, то ранняя повесть Гончарова, в названии которой запрограммирован счастливый финал, строится на анекдотическом недоразумении, скоро (в течение полутора суток) и благополучно разрешающемся. Мотив социального неравенства (социальных предрассудков), составляющий одну из важнейших сюжетных пружин в типичных образцах жанра (препятствия к соединению влюбленных должны быть *роковыми*), у Гончарова отсутствует; конфликт главного героя со светом, важнейший в сюжете классических светских повестей, предельно облегчен; любовный конфликт приобретает почти водевильный характер.

Как и в случае с «Лихой болезнью», в научной литературе остался дискуссионным вопрос о степени пародийности повести и, соответственно, о ее полемической *антиромантической* направленности. «Счастливая ошибка» не является ни жанровой стилизацией, ни жанровой пародией, несмотря на то что ряд жанрово-стилевых шаблонов в ней подается иронически и пародийно. Ранняя проза Гончарова принадлежит переходной эпохе и отразила сам феномен стилевой переходности. «Счастливая ошибка» — рядовая светская повесть с большим количеством клишированных жанровых элементов и не стилизующих, а скорее, имитирующих приемов. Авторская ирония в ней — не ирония пародии, а та *пародическая, игровая* тональность, которая и позднее останется органичной для повествовательного стиля Гончарова.

Представляет интерес противоположность принципов построения сюжета в двух ранних повестях (**подраздел «Структура и семантика сюжета в домашних повестях»**). Начинаящий писатель использует обе «исконные» сюжетные схемы в их, можно сказать, чистом виде: в «Лихой болезни» мы имеем пример кумулятивного сюжета, в «Счастливой ошибке» — циклического. Как циклическому, так и кумулятивному типу сюжета соответствует определенное представление об универсуме как целом.¹⁷ Тексты, в основе которых лежит циклическая схема, реконструируют мир как упорядоченный, кумулятивный тип представляет случайностную и неупорядоченную картину мира. В сюжетной схеме «Лихой болезни» наличествуют обязательные компоненты кумулятивной модели: отсутствие завязки, повторяемость и однотипность событий, их «ничтожность», контрастирующая со значительностью последствий (финальная катастрофа). Служит ли в данном случае «реликтовая» схема основой смыслопорождения? Если оставить в стороне оппозицию

---

¹⁷ Помимо работ В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, О. М. Фрейденберг, см., главным образом: Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. С. 224–242; Тамарченко Н. Д. 1) Принцип кумуляции в истории сюжета: (К постановке проблемы) // Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики: Сб. науч. трудов. Кемерово: КГУ, 1986. С. 46–54; 2) Русский классический роман XIX века: Проблемы поэтики и типологии жанра. М.: РГГУ, 1997. С. 60–73.

мнимой *деятельности* Зуровых и гротескной *бездеятельности* Тяжеленко, то сама конструкция сюжета определенно останется содержательной. Главный поддерживаемый ею смысл — случайность и бессмысленность изображенных в повести событий. Циклический сюжетный тип, реализованный в «Счастливой ошибке», обеспечивает финальное восстановление нарушенной гармония с миром главного героя.

Кумулятивную схему Гончаров использовал и в «очерках» «Иван Савич Поджабрин» (1842), построенных на цепочечном нанизывании эпизодов. «Язык» сюжетной конструкции демонстрирует бессмысленность «жуирования» героя очерков. Циклическая сюжетная модель реализуется и в «Обыкновенной истории», и в «Обломове».

Коллективное творчество Майковых и их друзей и участие в нем Гончарова не ограничилось выпуском «Подснежника» и «Лунных ночей». Осенью 1842 г. в домашнем «кружке» издается юмористическая газета «Сплетня», в которой Гончаров выступал и как автор, и как персонаж с постоянной маской ленивца (**подраздел «Екатерининский институт и институтские сюжеты. Рукописная газета “Сплетня” (1842)»**). О газете можно судить только по эпистолярным свидетельствам — других не сохранилось, на их основе нами и воспроизводится история «издания» газеты. В начале 1840-х Гончаров вместе с участниками майковского кружка регулярно посещал «пятницы» в Екатерининском институте, что нашло отражение в двух его не публиковавшихся при жизни очерках — ««Хорошо или дурно жить на свете?»» (1841–1842) и «Пепиньерка» (1842). В **подразделе «К типологии оппозиций: идеал–действительность, поэзия–проза в этюде <“Хорошо или дурно жить на свете?”> (1841–1842)»** рассматривается небольшой «философско-эстетический этюд», имеющий автограф (это единственный автограф среди ранних текстов писателя). За его аллегорическими персонажами-масками легко угадываются реальные лица из круга Майковых, характер их взаимоотношений. «Этюд» построен, как и ранние повести Гончарова, на игре разнообразными стилевыми приемами, на демонстративном столкновении «стилевого» и «нестилевого» слова, «поэтизм» и «прозаизмов». В тексте провозглашается разделение жизни на «две половины»: *прозаическую* и *поэтическую*. Место, где открывается возможность, уйдя от «скучно-полезной» прозы жизни, приобщиться к ее *идеальной, эстетической* половине, — спящий «очарованный замок», «замок фей», царство женщин (Екатерининский институт). В спящем женском царстве — происходит спасительное *пробуждение* героев этюда от «обморока», «томительного сна» практической жизни. Парадоксальная двойственность ситуации (пробуждение от сна происходит в спящем замке) в данном случае объясняется игровым контекстом, однако семантическая двойственность мотива *жизни-сна* сохранится в прозе Гончарова и позднее — в дwoящихся смыслах каждого из членов оппозиции *сон—деятельность*, где сон приобретает значение

снотворчества, деятельности поэтического воображения, деятельность же предстает суетой, усыпляющей своей механистичностью.

Исследование произведений Гончарова раннего периода включает освещение проблемы утраченного и найденного и вопросов, связанных с атрибуцией писателю анонимных произведений в рукописном «Подснежнике» (**3-й раздел «Раннее творчество Гончарова: утраченное, найденное, приписываемое»**). До сих пор остаются неизвестными «компиляции и переводы», помещенные Гончаровым в «Библиотеке для чтения» (начало 1840-х), о чем имеется упоминание в рукописи его мемуаров «В университете», и роман «Старики», упомянутый В. Андр. Солоницыным в письме к писателю от 25 апреля 1844 г. (см. в разделе «Приложения»). В разное время Гончарову были атрибутированы три анонимных текста в «Подснежнике» — повесть «Нимфодора Ивановна» (атрибуция О. А. Демиховской), рассказ «Красный человек» и небольшой этюд <<«О чем Адам и Ева разговаривали при первом свидании?»> (обе атрибуции В. П. Сомова). Атрибуция Гончарову «Нимфодоры Ивановны» была поставлена под сомнение О. М. Чеменой и дезавуирована А. Ю. Балакиным. Мы приводим аргументы против атрибуции этюда <<«О чем Адам и Ева разговаривали при первом свидании?»>. Единственный анонимный текст в «Подснежнике» за 1836 год, который мог бы быть приписан Гончарову на основе тех же малоубедительных аргументов, которые выдвигались О. А. Демиховской и В. П. Сомовым (при незнании полного состава авторов «Подснежника»), — это рассказ «Привидение» (помещен в разделе «Приложения»), однако для постановки вопроса об авторстве Гончарова этот текст оснований не дает. В подразделе **«Играл ли Гончаров в “секретари”»: к атрибуции ранних текстов»** опровергается выдвинутое Е. А. Ляцким и частично поддержанное А. Г. Цейтлиным мнение о принадлежности Гончарову вопросов и ответов при игре в «секретари», увлекавшей семью Майковых. Сохранившиеся в архиве семьи «секретарские манускрипты» (128 автографов) датированы нами 1835–1843 гг., авторство установлено для большинства текстов, автографов Гончарова среди них нет.

В **4-м разделе «Дом Майковых в перспективе биографии и творчества Гончарова»** прослеживается развитие нескольких биографических сюжетов, связавших Гончарова с людьми из окружения Майковых (ранее не упомянутых ни в биографической, ни в научной литературе). Феномен *домашнего адресата* в эпистолярной Гончарова рассматривается в подразделе **«“Домашняя аудитория” в письмах Гончарова»**. С середины 1840-х годов вторым *литературным домом*, в котором Гончарова, по его словам, «любили как родного», стал дом Михаила Александровича Языкова (1811–1885), друга В. Г. Белинского, участника его кружка, близкого в 1840-е и 1850-е гг. литераторам круга

«Современника» и «Отечественных записок». Сближение с Языковым и его семьей значительно расширило литературные контакты Гончарова, что само по себе заслуживает обстоятельного исследования.

Письма писателя времени плавания на фрегате «Паллада», адресованные обеим семьям, Майковых и Языковых, являются ценным документально-биографическим источником и почти полным сводом эпистолярных редакций очерков путешествия, вошедших позднее в книгу «Фрегат “Паллада”». Для человека закрытого и мнительного, каким был Гончаров, адресат определял степень внутренней свободы автора, а в случае с письмами к Языковым и Майковым — и степень литературности эпистолярного текста. В свободной, бессюжетной художественной форме писем Гончаров видел реализацию того *бессознательного*, спонтанно-импровизационного начала, приоритет которого в творческом процессе для него был всегда неоспорим.

Специфика «домашнего текста» в прозе писателя и стратегии его жанрового моделирования исследуются в подразделе **«К жанровой типологии: “Рыболовные” сюжеты Гончарова в контексте русской идиллии»**. «Домашний текст» в прозе Гончарова с имплицитными биографическими реалиями, связанными с кругом Майковых и Языковых, создает в ряде случаев основу для уточненных прочтений и интерпретаций. В эпистолярной прозе писателя «домашний текст» приобретает внутреннюю организованность, сюжетность. Таков «рыболовный» сюжет, связанный с рыболовной страстью Н. А. и Ап. Майковых, который рассматривается нами в его интертекстуальных вариациях — от ранней «домашней» прозы участников рукописных изданий, включая переписку Майковых и Гончарова, и до идиллий В. Г. Бенедиктова «Вот как это было» (1839; первонач. назв. «Рыбари») и Ап. Майкова «Рыбная ловля» (1855). «Рыболовные» сюжеты во всех случаях ориентированы на идиллию Н. И. Гнедича «Рыбаки» (1821), положившую начало оформлению национальной топики русской идиллии. Оригинальную модификацию этого сюжета Гончаров создает в «Обыкновенной истории», где Александр Адуев в роли идиллического рыбака пытается увлечь и соблазнить «дачницу» Лизу. Водный и дачный идиллический ландшафт — декорации, внутри которых вызревает драма. Ситуация, созданная в романе, вписывается в типологию сюжетных ситуаций, когда при затухании жанра отчасти сохраняется, но значительно трансформируется жанровая топика.¹⁸ На традицию идиллии писатель сознательно ориентировал и рассказ о ловле акулы, известный по упоминаниям в его письмах 1854–1855 гг. («морская идиллия») и позднее вошедший в шестую главу второго

---

¹⁸ См.: Пастораль в системе культуры: метаморфозы жанра в диалоге со временем: Сб. научных трудов. М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 1999; Пасторали над бездной: Сб. научных трудов. М.: Изд. дом «Таганка» МГОПУ, 2004; и др.

тома «Фрегата “Паллада”» (II, 589–593). В драматическом этюде, редком по силе разрушительной живописи, жанровая модель идиллии трансформирована радикально.

В главе 2-й «“Обломов”. Семантика и функции историко-культурных реалий» рассматриваются особенности отражения в тексте романа «текста эпохи». Как неоднократно отмечал Ю. М. Лотман, «элементы текста <...> попадают в структуру данного сюжета уже будучи отягчены предшествующей социально-культурной и литературной семиотикой. Они не нейтральны и несут память о тех текстах, в которых встречались в предшествующей традиции. <...> Каждая “вещь” в тексте, каждое лицо и имя, т. е. все, что сопряжено в культурном сознании с определенным значением, таит в себе в свернутом виде спектр возможных сюжетных ходов».¹⁹ В 1-м разделе «Реалии в тексте и внетекстовая реальность. Историко-культурные реалии и проблема текстового времени» исследуются элементы разных уровней, в том числе и микромотивы, семантика и функции которых зависят главным образом от их *именования* (сигнификация) или, напротив, продуманного *не-именования*. Конкретность и точность (именование) историко-культурных реалий служит историзации повествованию, актуализируя для исследователя проблему текстового времени, и, напротив, намеренная размытость, неконкретность исторических реалий отражает стратегию деисторизации сюжетных событий и ситуаций в направлении универсализации их смысла. Временная модель в «Обломове» рассматривается в сопряжении с моделями *нравоописательного* времени Д. С. Лихачева²⁰ и *бытового* времени М. М. Бахтина («Здесь нет событий, а есть только повторяющиеся “бывания”. Время лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, месяца, круг всей жизни»)²¹ Специфическая атемпоральность составляет одну из особенностей гончаровского романа (см. работы Е. М. Таборисской, Т. Б. Ильинской, К. Боровец и др.), в отличие, например, от романа тургеневского, для которого характерна «непрерывная датировка, внешняя и внутренняя» (Л. В. Пумпянский); ср. известное пушкинское замечание, что время в «Евгении Онегине» «расчислено по календарю». В движении сюжета у Гончарова датировка не актуальна. Начало сюжетного действия в «Обломове», по наблюдению А. Г. Цейтлина,²² датируется 1843 годом: «парад гостей» на квартире Ильи Ильича происходит в субботу, 1-го мая, каждый из пришедших приглашает его в Екатерингоф, куда ежегодно в этот день петербургские жители отправлялись на городское гулянье. Гулянье в данном случае — элемент устоявшегося городского ритуала, и

---

¹⁹ Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 329.

²⁰ См.: Лихачев Д. С. Нравоописательное время у Гончарова // Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. С. 301.

²¹ См.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 396.

²² Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. С. 162–164.

именно в качестве *повторяющегося* явления оно включается в сюжетную конструкцию. В первых же главах возникает, таким образом, эффект зеркальности протекания событий в *обломовском* и *петербургском* времени, и это один из характерных *симметризмов*, органичных для архитектоники гончаровского текста. На более глубоком смысловом уровне это знак сближения противоположностей — *покоя* Обломовки и *суеты* Петербурга: как одно, так и другое оказывается равно вписанным в ритуализованный жизненный круговорот. Гончаров сближает и в конечном счете снимает оппозицию *суеты–покоя* с ее напряженно контрастной, дифференцирующей семантикой. Ритуальность первомайского гулянья, включенного в циклическую временную модель, сама эмпирическая конкретика данного явления нуждается для современного читателя в комментарии, иначе смысловые внутритекстовые «сцепления» от него ускользают. Приуроченность к конкретной календарной дате важна для комментатора (и, возможно, читателя), но в сюжетном целом она семантически нейтральна. В сюжете романа актуальна *весна* как начало сезонного *цикла* и символический повод к *пробуждению* Обломова, героем не реализованный. Сюжетное движение в романе, что давно замечено, определяется циклической моделью смены времен года: оно начинается весной, последовательно выстраивается через переход к лету, осени и зиме и затем утрачивает отчетливые сезонные границы в обломовском бытии-пребывании на Выборгской стороне, воссоздающем устойчивый и неизменный круговорот жизни в Обломовке. Архитектоника гончаровского текста, не подчиненная хронологии «календаря», выстраивается в соответствии с внутренними структурными ритмами и циклами, чему в специальной литературе уделено значительное внимание.²³

Во 2-м разделе «Система умолчаний в репрезентации историко-социальных реалий» рассматривается стратегия *не-именования* в «обломовском тексте» романа, связанная с универсализацией личностной «неопределенности» персонажа (близкой гоголевской). Указания на университетское образование Штольца (подраздел «Университеты Штольца и аттестат Обломова») определены, конкретны и содержательно исключительно важны, и, напротив, «заведение», в котором учился Обломов в тексте романа не названо. Неотчетливость в данном случае намеренно привнесена в повествование, что становится очевидным, если проследить развитие мотива от рукописи к окончательному тексту. Выпускником Московского университета, каким предстает в романе Штолец, Гончаров своего главного героя сделать не решился. Тот же принцип семантической релятивизации и отказа от историко-социальной конкретности действует и

---

²³ См.: Пырков И. В. 1) Роман И. А. Гончарова «Обломов»: Особенности ритмического построения // И. А. Гончаров: Материалы междунар. конф. Ульяновск, 1998. С. 158–172; 2) Ритмическая организация романа И. А. Гончарова «Обломов». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006; Тюна В. И. Соляные повторы в романе Гончарова «Обломов» // Критика и семиотика. 2010. Вып. 14. С. 113–117; Гузь Н. А. Ритмическая организация в романах И. А. Гончарова // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 3–6; и др.

при определении места службы, рода занятий, должности и чина Обломова (**подраздел «Чин Обломова»**). В **3-м разделе «Актуальность архаики»** рассматриваются ситуации, отличные от описанных выше, когда подробности чиновничьей службы и чинопроизводства функционируют на уровне информационных сигналов, узнаваемой современниками исторической конкретики. В **4-м разделе «Элементы “петербургского текста” в “Обломове”: некоторые топографические реалии и их функции»** исследуется семантика ключевых топонимов в «петербургском тексте» романа — Гороховой улицы и Выборгской стороны и иных топонимов, функции которых в смысловом целом сюжета также определяются стратегиями *именования* и *не-именования*. При этом названное приобретает обобщенно-символический смысл, семантика неназванного — несколько сложнее. Важнейшую смысловую функцию выполняют в романе топографические реалии, связанные с Выборгской стороной, где живет Агафья Пшеницина и где в итоге обретает «мирный приют лени и спокойствия», как в родной Обломовке, Илья Ильич. Локализация выборгской Обломовки в тексте романа не вполне отчетлива: в доме Пшенициной воспроизводится условно-идиллическое пространство детства Ильи Ильича.

Семантика *дачи* в романе, где развивается «поэма изящной любви» Обломова и Ольги Ильинской (**подраздел «“Дачный текст” в романе: Парголово»**), не предполагает конкретизации места действия, однако постоянство и повторяемость в художественных и эпистолярных текстах Гончарова интратекстуального *парголовского* мотива, с его очевидными *домашними* и *обломовскими* проекциями (дачная Обломовка), подтверждает справедливость предположения Л. С. Гейро, высказанного в комментариях к тексту «Обломова», о возможном месте дачного романа главных героев.

В **5-м разделе «Текстовые реалии и память культуры. “Готовые” формулы»** рассматривается литературный генезис и функции формульных лексико-стилевых элементов в тексте «Обломова». В качестве формульных элементов с функцией *чужого (стилевого)* слова рассматриваются: «Туда!» («Dahin!»), «симпатия душ» и некоторые другие. Повторяемость данных элементов в разных текстах писателя иллюстрирует тезис о принципе автореферентности как специфическом для его творческой практики. Значительное внимание в этом разделе уделено семантике и функциям интратекстуального мотива *любви—болезни* в прозе Гончарова и его вариациям, в частности, мотиву *любви—прививки оспы* в «Обломове» («Это всё Андрей: он привил любовь, как оспу, нам обоим», — произносит Обломов; IV, 338), восходящему к роману Ж.-Ж. Руссо (**подраздел «“Прививка любви”: реминисценции “Новой Элоизы”**»). В третьей части «Новой Элоизы» (письмо XIV) Сен-Пре посещает больную оспой Юлию, стремясь «разделить с ней недуг», от которого он «не мог ее исцелить». У постели Юлии Сен-Пре заражается оспой. Эту сцену воссоздает одна из

гравюр к роману с авторским названием «L'inoculation de l'amour» («Заражение во имя любви»), или буквально: «Прививка любви».²⁴ В «Обломове» данный мотив входит в мотивный комплекс *любви–болезни, любви–аномалии* как нарушения искомой «нормы любви». Ситуация «тоски» Ольги Ильинской в обстановке семейного благополучия также спроецирована на финальные главы «Новой Элоизы».

Проблемы соотношения текстовой и внетекстовой реальности являются предметом исследования и в 3-й главе **«“Обрыв”. “Случайный” нигилист Марк Волохов: концепция и генезис персонажа**». Общую направленность анализа определили многочисленные характеристики «второго героя, любовника Веры», идеолога «новый правды» в письмах и статьях Гончарова, пояснявших авторскую концепцию романного персонажа. Принципиальными для ее понимания являются признания писателя в письме к Ек. П. Майковой 1869 г.: «...Марк во 2-й части — не то, что он в 3-й, 4-й и 5-й: он у меня вышел сшитым из двух половин, из которых одна относится к глубокой древности, до 50-х годов, а другая — позднее, когда стали нарождаться новые люди»; «...моя главная и почти единственная цель в романе — есть рисовка жизни, простой, вседневной, как она есть или была, и Марк *попал туда случайно*» (8, 353; курсив мой. — А. Г.). О биографическом протосюжете романа, связанном с семьей Майковых, напоминает материал **1-го раздела «Нигилизм в домашнем контексте**». Близость Гончарову семейной драмы Владимира Майкова, от которого к нигилисту Федору Любимову в 1866 г. ушла жена, актуализировала в его общей концепции нигилизма домашние и семейные аспекты. В «авторских исповедях» романиста — в статьях, посвященных «Обрыву», закономерна остро звучащая проблема семейных «жертв». Анализ полемических узлов в объяснениях Гончарова с критикой вокруг созданного в романе образа нигилиста составил содержание **2-го раздела «“Марк Волохов, конечно, успел устареть...”**. **Герой времени вне контекста времени**». Во всех посвященных «Обрыву» статьях — в «Предисловии» к отдельному изданию романа, которое писалось в ноябре 1869 года, но опубликовано не было, составив основу более поздних статей «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”» (1872; также не публиковалась) и «Лучше поздно, чем никогда» (1879) — одной из напряженных проблем авторефлексии стала проблема *злободневности* или *анахроничности* созданного в романе *типа* нигилиста. И вторая, с ней связанная, — проблема «крайностей» и искажений в романной репрезентации явления, следовательно, авторской объективности или тенденциозности. В «Предисловии» к «Обрыву» Гончаров настаивал на том, что его Марк «устарел», что если это и тип, то тип «запоздалый». В то же время в статье «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”» он утверждал: «...старые художники дописывают старую жизнь и прежних людей.

---

²⁴ Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 2. С. 279, 697, 762.

Новых еще нет: сама новая жизнь не сложилась в определенную физиономию, и люди не имеют определенного лица и характера. <...> Новая жизнь и новые люди не вылупились еще из яйца» (6, 458). По сути, Гончаров отказывал «новым людям», которые «не вылупились еще из яйца», в их исторической роли и правах. Суждения писателя отмечены характерной для его мышления анахроничностью, которая и в романах определяет преобладание условного текстового времени над реально-историческим и временной статики над исторической динамикой. И «новые люди», и «нигилисты» не только вполне к 1870-м годам оформились в социальный и литературный *тип*, но и претерпели серьезную эволюцию, что запечатлела беллетристика этих лет. «Как бы это нас ни огорчало, но, кажется, целый период нашей литературы придется назвать *нигилистическим*», — напишет позднее Н. Н. Страхов об этом значительном периоде русской литературы.²⁵ Авторская рефлексия в статьях об «Обрыве» отразила осознание Гончаровым сложности реализации в образе Волохова синтеза типического (исторически обусловленного) и сверхтипического (вневременного, всечеловеческого).

Трансформация образа Волохова от «вольнодумца» 1840-х гг. к нигилисту 1860-х прослеживается в **3-м разделе «Генезис “неблагонадежного”»**. Симптоматична в письмах и автокритических статьях писателя конкретизация времени появления «целого легиона» нигилистов — 1862 год. Это год публикации в февральском номере «Русского вестника» «Отцов и детей» — романа, которого Гончаров ни в одной из статей об «Обрыве» не упоминает, однако явление «расплодившихся в разных видах» Волоховых в 1862 году, которое он отмечает, не может не ассоциироваться с выходом в свет тургеневского романа. Датируя явление, но не утверждая факта зависимости между публикацией «Отцов и детей» и «повсеместным» появлением «нигилистов», Гончаров косвенно подтверждал и признавал то, что было неоднократно засвидетельствовано его современниками.

Явлению экспансии литературы в область действительности посвящен **4-й раздел «Тургенев... угадал имя этого человека...»**, в котором собраны свидетельства современников, отметивших исключительность этого явления. Так, М. Н. Катков писал в первой статье об «Отцах и детях»: «Произведение г. Тургенева находится в обстоятельствах совершенно исключительных. Взятое из текущей жизни, оно снова входит в нее и производит во все стороны сильное практическое действие, какое едва ли когда производило у нас литературное произведение. Рампа исчезла, актеры и зрители смешались. Роман как будто еще продолжается; произведенное им действие, явления, которые он вызвал, — как

---

²⁵ Страхов Н. Из истории литературного нигилизма. 1861–1865. СПб., 1890. С. VIII.

будто новая глава в нем, как будто эпилог к нему».²⁶ О поразившем его «взаимодействии» литературы и реальности писал и Герцен в статье «Еще раз Базаров» (1868): «Книга берет весь склад из того общества, в котором возникает, обобщает его, делает более наглядным и резким, и вслед за тем бывает обойдена реальностью <...> действительные лица вживаются в свои литературные тени».²⁷ Явление «исчезновения рампы» также не обошли вниманием Н. Н. Страхов и Н. С. Лесков. Феноменология «взаимобратимости смысловых связей» реальных явлений и культурных символов изложена в данном разделе на основе работ С. С. Аверинцева, Ю. М. Лотмана, Л. Я. Гинзбург, И. А. Паперно. Здесь же развернута и история длительной научной полемики вокруг вопроса об «авторстве» Тургенева в создании слова «нигилист».

В контексте основных концепций нигилизма 1860-х годов, с учетом важнейших работ по истории шестидесятничества (Б. П. Козьмин, А. И. Новиков, Ф. Ф. Кузнецов и др.) в **5-м разделе «“Декорация духа времени”. Гончаровская формула нигилизма»** рассматривается вопрос о концептуальной модели нигилизма в «Обрыве». Исследование значительного комплекса материалов приводит к выводу, что Гончаров в русском нигилизме видел эксцентричность незрелых одиночек, «дилетантов-мечтателей», их подверженность «скороспелым увлечениям, свойственным несамостоятельным натурам», вследствие чего и нигилиста Марка Волохова представил в романе по преимуществу «эксцентриком» и «искателем роли». Катастрофических социально-исторических предзнаменований в русском нигилизме Гончаров не видел и представления о фатальном национальном зле в свою концепцию нигилизма не вложил. Марк Волохов, согласно авторскому определению в «Предисловии» к роману, — «один из недоучек, отвязавшихся от семьи, от школьной скамьи, от дела и всякого общественного труда; один из беспокойных умов <...>, без подготовки науки и опыта, только с раздражительным самолюбием, с притязаниями на роль и значение <...>. Это самозванец “новой жизни”, мнимой “новой силы”, не признанный никем апостол, понесший проповедь свою в непочатые углы мирно текущей в затишьях жизни» (6, 427). Исследование в полном объеме цензорских материалов писателя привело В. А. Котельникова к выводу: «Социопсихологическая диагностика и прогностика, а тем более философская рефлексия над историческим материалом не были свойственны Гончарову».²⁸

Полемический вопрос о принадлежности «Обрыва» жанровому типу антинигилистического романа освещен в **6-м разделе «К жанровой типологии»**.

---

²⁶ Катков М. Н. Роман Тургенева и его критики // Катков М. Н. Собр. соч.: В 6 т. СПб.: Росток, 2010. Т. 1. С. 466.

²⁷ Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1960. Т. 20. Кн. 1. С. 337.

²⁸ Котельников В. А. И. А. Гончаров в идеологических и общественных коллизиях 1862–1867 годов // Русская литература. 2012. № 2. С. 63.

Антинигилистический роман». «Обрыв» многие годы рассматривался в прямой зависимости от идеологии, типологии персонажей и сюжетных коллизий антинигилистического романа. В последние десятилетия не только роман Гончарова, но и антинигилистический роман как таковой, что справедливо отметила Е. А. Краснощекова, прочитываются по-иному: «Антинигилистический роман XIX века в своих прозрениях выглядит сегодня предшественником антиутопического (антитоталитарного) романа XX века, который продемонстрировал долговременные итоги нигилизма века предшествующего».²⁹ Генезису, эволюции, жанровой специфике антинигилистического романа посвящена значительная литература (работы В. Е. Евгеньева-Максимова, Ю. С. Сорокина, А. И. Батюто, Г. А. Склейнис, Н. Н. Старыгиной и др.). В «Обрыве» есть элементы, которые соответствуют данной типологической модели, однако гончаровский нигилист — герой-одиночка, вокруг него нет последователей и подражателей, автор «Обрыва» не исследует феномена вождизма и манипуляции чужим (массовым) сознанием в отличие от И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского и большинства авторов массового антинигилистического романа. Специфика концепции нигилизма в «Обрыве» проясняется в широком контексте публицистических и историко-философских работ, посвященных осмыслению национально-исторической природы явления (Д. П. Лебедев, М. Ф. Де-Пуле, И. Ф. Цион, М. Н. Катков, А. И. Герцен, Н. Н. Страхов — **7-й раздел «Русский нигилизм в историософском зеркале»**). Публицисты и философы, придерживавшиеся радикально противоположных убеждений (как Катков и Герцен) были единодушны в признании «несовершеннолетия» русского нигилизма. Дефицит образования, его «зыбкость и шаткость», «бессилие образования» (Катков), неспособность, нерасположенность к нему, рождающие «систематическую неотесанность» (Герцен), составили его органическую черту.

В **8-м разделе «“Сословная геральдика”, или “формула узнавания” героя-нигилиста»** объектом анализа являются составляющие нигилистического кода. «Семинарское», «бурсацкое» образование героя-нигилиста, определяющее культурные и социальные признаки «типа», становится в антинигилистической публицистике и беллетристике одним из стереотипных мотивов, «общих мест». Популярность этот мотив приобретает отчасти вослед тургеневским «Отцам и детям»: Базаров — «внук дьячка», и этой подробностью были точно обозначены как прототипы тургеневского персонажа, так и его последователи. У Гончарова в «Обрыве» семинарская тема хотя и не выходит на первый план, однако «миссионерами» «новой правды» Волохов провозглашает именно

---

²⁹ Краснощекова Е. А. «Обрыв» И. А. Гончарова в контексте антинигилистического романа 60-х годов // Русская литература. 2001. № 1. С. 67.

семинаристов. Отсутствие или незавершенность образования Волохова (этот мотив остается в романе «темным»; в черновых редакциях упоминался университет) приобретает в сюжете романа именно то значение, которое было актуально для репрезентации персонажа-нигилиста. Сложившийся в 1860 гг. социально-культурный нигилистический код реализовался и в ряде других элементов «сословной геральдики» (как определил ее Лесков) героя-нигилиста — в репертуаре поведенческих знаков (эпатажность, антиэстетизм, цинизм, грубость манер), в вероучительстве (лжеапостольство).

В 9-м разделе «**Карикатурен ли Марк Волохов**» рассматриваются (с учетом авторского признания: «Марк <...> вышел сшитым из двух половин») эпизоды первых двух частей романа, в которых в репрезентации персонажа доминирует чистый комизм, лишенный какой бы то ни было идеологической тенденции. Только в третьей части впервые звучат «quasi-новые идеи» героя-отрицателя, в четвертой раскрывается тайна беседки под обрывом, и Волохов с его идеями quasi-свободы впервые предстает идеологом «новой правды». Здесь, впрочем, ореол романтической тайны вокруг героя-любownika работает скорее на создание шиллеровских («русский Карл Моор»), а не нигилистических коннотаций. Романтическая составляющая в образе «разбойника» Марка достаточно сильна. Замечания о том, что в качестве «доктринодержателя» Волохов совершенно неубедителен, высказанные М. Е. Салтыковым-Щедриним в известной статье «Уличная философия», небезосновательны как в отношении сюжетно-событийной составляющей повествования в «Обрыве», так и речевой презентации персонажа. «Новые взгляды» Волохова реализуются в романе скупно, формулируются героем неполно и неотчетливо, что и дало повод критику заключить, что их Гончаров «находит у него в голове». Свою главную, апостольскую, функцию, продекларированную в тексте пятой части романа, Марк в очевидной полноте и убедительности не реализует, и в повествовании, к нему относящемся, действие через произнесение (иллокуция) почти не представлено.

К особенностям поэтики антинигилистического романа относится оформление оппозиций добра—зла, старого—нового, стабильного—деструктивного через традиционную демонологическую и бестиарную символику. В 10-м разделе «**Бестиарный код героя-нигилиста**» прослеживаются «демонические знаки» персонажа, его анималистическая, главным образом, волчья символика. *Зверь* в славянской демонологии — устойчивый синоним дьявола, традиционно связан с нечистой силой и волк. Волк является одним из наиболее мифологизированных персонажей славянского бестиария, за ним закреплено обозначение разбойников, еретиков, лжепророков, «злых учителей»,³⁰ и уподобление

---

³⁰ См.: Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. С. 122–124; Белова О. В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. С. 74; и др.

Волохова волку в этом символическом значении находится в русле традиционных представлений. Фамилия Волохов, фонетически созвучная волку, усиливает и маркирует «волчьи» черты персонажа. Кроме того, в антропониме, близком глаголу «волочь», закодирован мотив физического, с обертонами животного (звериного) насилия и задано центральное фабульное действие — движение в «потустороннее» пространство «обрыва». На прямолинейность гончаровской зооморфной образности не могла не отреагировать критика. Н. В. Шелгунов, например, иронизировал: «По плану романиста, Марк должен был производить на читателя омерзительное впечатление, подобное волку, похищающему ягненка. <...> Как волк тащит в лес ягненка, чтобы сожрать его, так утащил Марк Веру в беседку».³¹ Наряду с атрибутами, оформленными через нигилистический код, Марк Волохов наделен Гончаровым свойствами, с заданной тенденцией очевидно не совпадающими. Нигилистическими составляющими образ далеко не исчерпывается, человеческая подлинность персонажа перерастает ограниченность типа, что по-разному оценивалось младшими современниками писателя (**11-й раздел «Марк Волохов в читательских оценках: за и против»**).

Исследование прозы Гончарова 1830–1860-х гг. создает основу для выявления устойчивых закономерностей его поэтики, которые и рассматриваются в **главе 4-й «О некоторых константах в поэтике Гончарова»**. В **1-м разделе «“Пафос середины”: ирония и автоирония у Гончарова»** объектом анализа становится гибкий внутренний компонент текста, проявляющийся на разных его уровнях, который получает определение *автоиронии*, объединяя и характерное для Гончарова самотравестирование, и повествовательную иронию. Последняя приобретает в текстах писателя характер *автоматизма*, когда легкая ироническая или пародическая подсветка присутствует внутри нарратива, благодаря чему любая констатация оказывается неокончательной. По наблюдениям В. М. Марковича, в повествовании у Гончарова «иногда образуются почти чеховские стилевые “стыки” — иронические по существу, но исключая использование явной иронии, возникающие благодаря незаметному исчезновению иерархии совместившихся стилей. <...> При этом очень значительна роль повествовательной иронии, которая ни одной из различаемых здесь смысловых инстанций не позволяет остаться равной себе, обрести непоколебимую твердость (а тем самым — и право на безусловную читательскую солидарность). <...> Собственно, последней смысловой инстанцией является здесь позиция своеобразного “неприсоединения”, уклонение от всяческой предрешенности и

---

³¹ Шелгунов Н. В. Литературная критика. Л.: Худож. лит., 1974. С. 260–261.

окончательной определенности».³² Ирония не является у Гончарова доминирующим и всепроникающим элементом текста, в нем остаются зоны, в том числе и персонажные, для иронии закрытые. Оригинальность гончаровской иронии связана с особым качеством авторской объективности. Томас Манн как будто имел в виду объективность Гончарова, когда писал: «...бог дали, бог дистанции, объективности, бог иронии. Объективность — это ирония».³³ Если ирония, по Т. Манну, предполагает дистанцию и отстраненность, то и комическое как таковое, по А. Бергсону, не предполагает сопереживания, оно «для полноты своего действия требует как бы кратковременной анестезии сердца».³⁴ Заслуживает напоминания и мысль М. М. Бахтина, относящаяся к принципу типизации, важнейшему принципу моделирования персонажа у Гончарова: «Ясно, что интуитивное обобщение, создающее типичность образа человека, предполагает твердую, спокойную и уверенную, авторитетную позицию внаходимости герою. Чем достигается эта авторитетность и твердость позиции типизирующего автора? Его глубокою внутреннею непричастностью изображаемому миру, тем, что этот мир как бы ценностно мертв для него...».³⁵ В качестве характерных и достаточно «выработанных» приемов автоиронии в текстах Гончарова нами рассматривается ироническое цитирование, когда цитата отрывается от исходного контекста, освобождается от исходного смысла и включается в контекст, ей заведомо чуждый, чаще всего сниженный, в итоге превращаясь в фигуру речи, в элемент словесной игры. Ироническое дистанцирование автора проявляется и на структурно-композиционном уровне, наиболее отчетливо — в разного рода фабульных и образных «симметризмах», в рефренах, «зеркальных» ситуациях, присутствующих во всех гончаровских текстах. Эффект симметрии создают, например, повторяющиеся в романах писателя парные персонажные конструкции, как антитетические (образ—противообраз), так и дублетные (двойничество). И дублирование, и симметрия любого рода (как по принципу сходства, так и контраста) не обесценивают, разумеется, в гончаровской прозе изображаемого явления, однако создают определенную схему, функционально служат объективации авторской позиции, «анестезии сердца».

Элементы условности (и ироничности) присутствуют и на сюжетном уровне. Так, в «Обыкновенной истории» младший Адуев в финале полностью уподобляется Адуеву-старшему. Сюжет замыкается, из поступательного он преобразуется в циклический, эпилог (отвергнутый и Белинским, и Ап. Григорьевым) по сути обесценивает «искания» героя и его предполагаемый сюжетом «романа воспитания» внутренний рост. Круг механически

---

³² Маркович В. М. Схема и дискуссия в романах натуральной школы: (Герцен и Гончаров) // И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века: (30–50-е годы). Л.: Наука, 1982. С. 91, 95.

³³ Манн Т. Искусство романа // Манн Т. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 10. С. 277.

³⁴ Бергсон А. Смех. М.: Наука, 1992. С. 12.

³⁵ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 159.

замыкается, финал романа приравнивается к его началу. Финальное завершение романа близко приему инверсии в классической комедии, когда «действующие лица обмениваются ролями, создавшееся же положение обращается против того, кто его создал» (сцена с «обокраденным вором»).³⁶ Инверсивной (и достаточно искусственной) развязкой заканчивается и «Обломов». Рассказчиком истории Ильи Ильича оказывается Штольц. Штольц в эпилоге романа после встречи с опустившимся Захаром на могиле Ильи Ильича, нарушая психологическую и художественную логику, пересказывает «апатическому» литератору сказку «Сна Обломова», комедию «жалких слов» Обломова и Захара, живописует бытие в «золотой рамке» на Выборгской стороне со смородиновой водкой, горячими ватрушками и соблазнительными локтями хозяйки. «И он рассказал ему что здесь написано» (IV, 493), — финальная фраза романа. Подробности жизни Обломова, составляющие смысловое пространство романа, находятся вне ценностной и эстетической компетенции Штольца, здесь, как и в иных случаях, имеет место инверсия, смена ролей и кольцевая развязка, отсылающая читателя к началу романа.

«Диффузности» стиля, возникающей во многом благодаря присутствию авторской иронии, соответствует у Гончарова и «диффузность» жанра, иронией размываются основные жанровые константы. В научной литературе нет однозначного ответа на вопрос, светская ли повесть «Счастливая ошибка» или пародия на светскую повесть, физиологический ли очерк «Иван Савич Поджабрин» или пародия на физиологию, идиллия или антиидиллия — «Сон Обломова». Спасая от нравоучительности, от пафоса, публицистического и любого иного, в не меньшей мере спасая от идиллического умиления нравоописанием и «рисованием» жизни, ирония — как анестезия — поддерживает и обеспечивает авторскую объективность.

Проблема аксиологической двойственности в текстах Гончарова, когда авторская позиция «не остается равной себе», поставлена на материале, который рассматривается во **2-м разделе «Органика противоречий в поэтике Гончарова, или Кто такая Милитриса Кирбитьевна»**. Фольклорная «добрая волшебница», «неслыханная красавица» Милитриса Кирбитьевна впервые упомянута в «Сне Обломова», и затем этот образ, — отраженно, резонантно, так же как и целый ряд других мотивов «Сна», повторяется в четвертой части романа, в идиллии на Выборгской стороне, где Обломов погружается в реализовавшийся детский сон. Милитриса Кирбитьевна — героиня лубочной повести (сказки) о Бове Королевиче. Во всех известных вариантах повести о Бове (рукописных, лубочных, сказочных)³⁷ «прекрасная Милитриса» — мужеубийца, классическая фольклорная «злодейка». Влюбленная в королевича Дадона, Милитриса по воле своего отца Кирбита

³⁶ См.: Бергсон А. Смех. С. 63.

³⁷ См.: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М.: Наука, 1964. С. 17–132.

выходит замуж за старика Гвидона. Старого мужа она в сговоре с Дадоном убивает, чтобы затем соединиться со своим возлюбленным. Сын Милитрисы от Гвидона — королевич Бова, вынужденный из-за жестоких преследований матери покинуть королевство, мстит ей за убийство отца и прелюбодеяние. Коллизия повести близка шекспировской, что не раз отмечалось (в том числе и в исследованиях пушкиноведов, посвященных пушкинским переработкам повести о Бове). Фольклорный протосюжет не позволяет однозначно интерпретировать образ «хозяйки» Агафьи Матвеевны, делая его семантически двойственным. Агафья и спасает Обломова («добрая волшебница»), и губит его (мужеубийца Милитриса). В гончароведении высказывались сомнения в возможности негативных ассоциаций для «праведной» Пшеницыной и предположения о существовании иных вариантов сюжета о Милитрисе. Последнее, однако, даже в качестве гипотезы маловероятно: в широко бытующих фольклорных сюжетах варьируются подробности, но остается устойчивой аксиологическая функция центральных персонажей. Роман Гончарова, считает В. И. Тюпа, представляет собой «органично противоречивое художественное целое», его сложную целостность организует конструктивный принцип «двойственности», в котором «совмещены взаимоисключающие ценностные интенции». «По этой причине нескончаемый спор о том, “плох” или “хорош” герой романа — этот сонный ленивец с *голубиной душой*, в каких бы категориях и с каких бы позиций он ни велся, не разрешим в принципе, ибо весь романский мир, как и его герой, не совпадает с самим собой, предстает в двойном ракурсе видения».³⁸ Неразрешим в принципе и спор о том, спасает или губит Илью Ильича вдова Пшеницына.

В 5-й главе «Проза Гончарова в критическом (не)восприятии современников» объектом рассмотрения являются те немногие аспекты критической рецепции прозы писателя, которые остались вне внимания специалистов. Полемика Н. Г. Чернышевского с автором «Обломова», отразившаяся в нескольких его опубликованных и неопубликованных текстах, исследуется в 1-м разделе «Рецензия на “Обломова”, не написанная Чернышевским». В «Автобиографии», над которой Чернышевский, уже окончив «Что делать?», работал в Петропавловской крепости летом 1863 года, осталась запись: «...я до сих пор прочел полторы из четырех частей “Обломова” и не полагаю, чтобы прочитал когда-нибудь остальные две с половиною, — разве опять примусь [за] рецензии, тогда поневоле прочту и буду хвалиться этим, как подвигом».³⁹ Сославшись на это признание критика и ряд других, Б. Ф. Егоров предположил, что единственной его реакцией на «Обломова» была небольшая остроумная пародия, включенная в рецензию на книгу Н. Готорна «Собрание

---

³⁸ Тюпа В. И. «Обломов» И. А. Гончарова // Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2006. С. 137.

³⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: [В 15 т.]. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 634.

чудес, повести, заимствованные из мифологии» (1860).⁴⁰ Завершающая рецензию миниатюра о ленивом барине, винящем во всех грехах своего слугу, «неряху, лентяя, сонливца», мелко детализированная, избыточно затянутая в повествовании, несомненно, метила в Гончарова. Не только в финале, но и в тексте рецензии Чернышевский, не называя автора, избрал его главным адресатом назидательной «беседы», представив основным художественным недостатком его прозы «размазывание и растягивание», «разведение водою».⁴¹ Пояснения к факту «ненаписанной рецензии» можно обнаружить и в не публиковавшейся при жизни Чернышевского повести «История одной девушки» (1871), где в литературной дискуссии участвуют романист Онуфриев (Гончаров) и критик Благодатский (Добролюбов). Неосуществленный критический замысел, кроме того, был в значительной степени реализован Чернышевским в романе «Что делать?»: в нем полемически окрашенные аллюзии на «Обломова» достаточно определены и узнаваемы.

Диалог двух романистов, личный и эпистолярный (**2-й раздел «Гончаров и Лев Толстой: несостоявшийся диалог»**), имеет всего две фазы, раннюю и позднюю. Между ними 30 лет молчания и отсутствия взаимного интереса. Ранняя фаза — это вторая половина 1850-х, когда состоялось знакомство писателей и возникла переписка, поздняя — 1880-е, когда возобновилась переписка, когда Толстой не только перечитывает «Обломова», но и читает поздние гончаровские вещи — воспоминания «На родине» (1887), очерк «Слуги старого века» (1888) и приглашает его к сотрудничеству в «Посреднике». На два этапа — с интервалом в 30 лет — распадается и переписка писателей.

В основе «несостоявшегося диалога» лежат как личностно-психологические, так и эстетические расхождения. Гончаров был, по словам Ин. Анненского, натурой «осторожной, флегматичной и консервативной».⁴² «Minimum личности» автора, по его же определению, или невыраженное, сглаженное субъективное начало, определяет и особенности поэтики Гончарова — в противоположность радикальному толстовскому субъективизму.

В разделе реконструируется история взаимоотношений писателей в 1855–1859 гг., исследуется переписка, анализируются взаимооценки.

Проблематика двух первых гончаровских романов Толстого остро волновала (его восторженные отзывы хорошо известны), в прозе Гончарова ему многое было родственно. Толстой работает в конце 1850-х над «Юностью» и «Молодостью» (будущими «Казачками»), над «Двумя гусарами», и его представление о личностных «эпохах развития», как и об отношениях поколений, сопоставимы с опытом взросления (и невзроslения) героев

---

⁴⁰ *Егоров Б. Ф.* Кого пародировал Н. Г. Чернышевский в рецензии на книгу Н. Готорна? // Вопросы изучения русской литературы XI–XX вв. М.; Л.: Наука, 1958. С. 321–322.

⁴¹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 450–452.

⁴² *Анненский Ин.* Гончаров и его Обломов. С. 256.

«Обыкновенной истории» и «Обломова». Тематически близка обоим гончаровским романам толстовская повесть «Семейное счастье» (1859), что дает повод говорить об устойчивом интересе двух писателей к семейно-домашней сфере. Сближает их в конце 1850-х и неприятие жоржзандистских идей. И для Толстого, и для Гончарова, вступивших в литературу на ее постромантическом этапе осталось актуальным наследие эпохи Просвещения. В контексте полемик 1850-х не менее актуальным было и самоопределение каждого относительно *пушкинского* и *гоголевского* направлений.

Сближение двух писателей в конце 1850-х как будто обещало развитие личных и творческих контактов, но 1859-й год стал последним в их общении и переписке. До конца 1880-х, повторим, между Гончаровым и Толстым пролегает полоса отчуждения.

В 1880-е отношение Толстого к «Обломову» резко меняется. В октябре 1889 г. он перечитывает роман и фиксирует в дневнике: «История любви и описание прелестей Ольги невозможно пошло»; «Дочел Облом<ова>. Как бедно!». ⁴³ Ни о «Фрегате “Паллада”», ни об «Обрыве» он отзывов не оставил. В оценках позднего Толстого (записи Г. А. Русанова, В. Ф. Лазурского, В. Ф. Булгакова) Гончаров — «средний талант». Самое, пожалуй, парадоксальное среди толстовских суждений о Гончарове — короткое, произнесенное мимоходом замечание в трактате «Что такое искусство?» (1897–1898), где его имя возникает вместе с аллюзией на «Обломова», упоминанием «локтей» некоей «дамы» и где «писатель Гончаров», «совершенно городской человек», предстает убежденным *эстетиком*. ⁴⁴ «Городской человек» для позднего Толстого — не столько социальная, сколько этико-религиозная категория, показатель отчуждения от крестьянского, трудового, природного, т. е. религиозного, христианского мира. При этом гончаровский *эстетизм* Толстой в естественной для себя манере остранивает и его творчество рассматривает подчеркнуто анахронично — только как явление 1850-х годов, относящееся к «эстетическому» направлению этого десятилетия. Казалось бы, формировавшийся в русле натуральной школы Гончаров — менее всего *эстетик*. Однако для Толстого важно обнаружить и изблечить эстетизм именно у него, и давно ставший хрестоматийным «Обломов» неожиданным образом в позднем трактате об искусстве включается в резкую толстовскую полемику.

Приговор Гончарову-*эстетике* можно объяснить, помимо прочего, и очевидно *нетолстовскими* особенностями его поэтики. Для Гончарова характерно обращение к прецедентным литературным темам и мотивам, использование культурных формул, и это тот «эстетизм», который Толстой всегда остро чувствовал, называя «литературной подкладкой», «литературностью», «литературой литературы». Литературная «подкладка» неизменно

---

⁴³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 50. С. 155, 174.

⁴⁴ Там же. Т. 30. С. 86–87.

являлась для него отчуждающим мотивом, препятствием к приятию и признанию. Наконец, есть принципиальные отличия и в художественных методах двух романистов. Гончаров в романном и нероманном творчестве прежде всего *типолог*,⁴⁵ типизация (и шире — символизация) является в его прозе универсальной стратегией, обеспечивающей и постройку образа, и структурную организацию художественного целого. Для поэтики Толстого типизирующий метод факультативен. Сложившееся, устоявшееся, узнаваемое в гончаровском персонаже-*типе* очевидно не совпадает с движущейся, растущей, меняющейся, познающей мир и себя незавершенностью толстовского героя, в котором «вечное напряжение и беспокойство <...> ценно само по себе как человеческая способность, как новое богатство».⁴⁶

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы. Литературный дом Майковых сыграл определяющую роль в процессе самоидентификации Гончарова-писателя. Рукописные издания семьи, в которых были помещены его ранние произведения, сами по себе являются уникальным памятником отечественной художественной культуры 1830-х годов. В ранней прозе Гончарова оформились важнейшие структурообразующие элементы его зрелой прозы. Принципы отражения «текста жизни» в текстах гончаровских романов определяются авторской стратегией универсализации смыслов, задачей постижения вневременных бытийных жизненных основ. Поэтика Гончарова и разные аспекты его диалога с современниками остаются перспективными направлениями научных исследований.

В раздел **«Приложения»** помещены тексты, подготовленные к публикации. Это два прозаических текста, репрезентативных с точки зрения характера литературной продукции рукописных журналов Майковых: повесть Евг. П. Майковой «Мария» (1835), отражающая ее «байронические» увлечения, и анонимное «Привидение» (1836), соединяющее жанровые элементы фантастической и чиновничьей повестей, в котором пародические приемы близки гончаровским. Здесь же помещены тексты пяти писем к Гончарову В. Андр. Солоницына (1843–1844 гг.) с подробными комментариями и не публиковавшиеся фрагменты воспоминаний о нем Л. Н. Майкова.

Диссертационное исследование включает **Список использованной литературы** и **Список сокращений**.

---

⁴⁵ «Как художник-*типолог* по преимуществу Гончаров не имеет себе равных в западноевропейских литературах XIX века...» (Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров — романист и художник. М.: МГУ, 1992. С. 132).

⁴⁶ Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». 4-е изд. М.: Худож. лит., 1987. С. 142.

Работы, опубликованные по теме диссертации.*

Книги

Полное собрание сочинений и писем И. А. Гончарова: В 20 т. СПб.: Наука, 1997–2016 (Издание продолжается).

1. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: Обыкновенная история; Стихотворения; Повести и очерки; Публицистика: 1832–1848. – С. 609–656, 667–673, 755–784, 800–822. (А. Г. Гродецкая – с. 609–626: вступ. ст. к разделу «Примечания» — совм. с В. А. Тунимановым; с. 626–656: Стихотворения; «Лихая болеть»; «Счастливая ошибка» — подгот. текстов, вступ. ст., примеч.; с. 667–673: «Иван Савич Поджабрин» — реальн. комм.; с. 755–784: «Обыкновенная история» — реальн. комм.; совм. с И. Д. Якубович; с. 800–822: «В. Н. Майков»; «Хорошо или дурно жить на свете?»; «Пепиньерка» «Упрек. Объяснение. Прощание» — подгот. текстов, вступ. ст., примеч.; «Пепиньерка» — совм. с А. Ю. Балакиным).
2. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 3: Фрегат «Паллада»: материалы путешествия; Очерки; Предисловия; Официальные документы экспедиции. – С. 562–659, 675–700, 781–798. (А. Г. Гродецкая – с. 562–659, 675–700: «Фрегат “Паллада”»: Т. 1, гл. 2–8; Т. 2, гл. 1, 3 — реальн. комм.; совм. с К. Савада; с. 781–798 : «Через двадцать лет»: Очерк — реальн. комм.; совм. с К. Савада).
3. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 5: Обломов: Роман в четырех частях: Рукописные редакции. – С. 231–243, 390–442. (А. Г. Гродецкая – с. 231–243, 390–442: «Обломов», часть четвертая — рукописн. редакции и варианты).
4. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – СПб.: Наука, 2004. – Т. 6: Обломов: Роман в четырех частях: Примечания. – С. 484–604. (А. Г. Гродецкая – с. 484–604: «Обломов» — реальн. комм. к осн. тексту и рукописн. редакциям).
5. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – СПб.: Наука, 2008. – Т. 8, кн. 1: Обрыв: Роман в пяти частях: Рукописные редакции. (А. Г. Гродецкая – с. 309–315, 320–324).
6. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – СПб.: Наука, 2010. – Т. 8, кн. 2. Обрыв: Роман в пяти частях: Варианты. (А. Г. Гродецкая – с. 252–275, 329–386: «Обрыв», часть третья — варианты чернового автографа).
7. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – СПб.: Наука, 2014: Материалы цензурской деятельности / ред. тома А. Г. Гродецкая, Т. А. Лапицкая.

Другие издания

8. *Гродецкая А. Г.* Ответы предания: Жития святых в духовном поиске Льва Толстого. – СПб.: Наука, 2000. – 264 с.
9. *Sub specie tolerantiae: Памяти В. А. Туниманова: Сб. науч. ст. / отв. ред. А. Г. Гродецкая.* – СПб.: Наука, 2008. – 613 с. (в том числе раздел «Академический и неакадемический Гончаров» – с. 514–588).
10. *Гончаров И. А.* Обломов / вступ. ст. В. А. Туниманова; примеч. А. Г. Гродецкой. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 640 с. (А. Г. Гродецкая — с. 603–635). То же: СПб., 2006, 2008, 2011, 2012, 2015.
11. *Гончаров И. А.* Обыкновенная история / вступ. ст. М. В. Отрадина; примеч. А. Г. Гродецкой. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 416 с. (А. Г. Гродецкая — с. 387–411). То же: СПб., 2006, 2009, 2012, 2016.
12. *Орвин Д. Т.* Искусство и мысль Толстого: 1847–1880 / пер. с англ., науч. ред. А. Г. Гродецкой. – СПб.: Академ. проект, 2006. – 304 с.

---

* Звездочкой отмечены публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

13. *Гончаров И. А.* Обломов: Роман в четырех частях / вступ. ст. и примеч. А. Г. Гродецкой. – СПб.: Пушкинский Дом, 2012. – 640 с. (А. Г. Гродецкая — с. 496–637).
14. *Гончаров И. А.* Обыкновенная история / сост. И. С. Веселовой; вступ. ст. и комм. А. Г. Гродецкой. – Харьков; Белгород: Клуб семейного досуга, 2013. – 415 с. (А. Г. Гродецкая — с. 5–27, 392–413).

Статьи и публикации

15. **Гродецкая А. Г.* Новая книга о Толстом // Русская литература. – 1989. – № 2. – С. 248–252.
16. **Гродецкая А. Г.* Возвращение к дискуссии о жанре «Войны и мира» // Русская литература. – 1991. – № 3. – С. 181–186.
17. **Гродецкая А. Г.* Агиографические прообразы в «Анне Карениной»: (жития блудниц и любодеец и сюжетная линия главной героини романа) // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб., 1993. – Т. 48. – С. 433–445.
18. *Гродецкая А. Г., Сучков С. В.* Майкова Евгения Петровна // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Большая Росс. энциклопедия, 1994. – Т. 3. – С. 464–465.
То же на англ. яз: *Grodetskaya A. Maikova Eugenija* // Dictionary of Russian Women Writers / ed. by M. Ledkovsky, Ch. Rosenthal, M. Zirin. – Westport; Connecticut; London, 1994. – P. 397–399.
19. **Гродецкая А. Г.* Л. Толстой: от 50-х к 70-м // Русская литература. – 1994. – № 4. – С. 187–190.
20. *Гродецкая А. Г.* Литературное окружение молодого Гончарова: (по материалам архива Пушкинского Дома) // И. А. Гончаров: Материалы междунар. конференции. – Ульяновск: Стержень, 1994. – С. 55–65.
21. **Гродецкая А. Г., Балакин А. Ю.* Неизвестный очерк И. А. Гончарова «Пепиньерка» // Русская литература. – 1997. – № 3. – С. 114–136.
22. *Гродецкая А. Г.* «Семейное» и «хрестьянское» в «Анне Карениной» // Мир филологии: посвящается Л. Д. Громовой-Опульской. – М.: Наследие, 2000. – С. 212–226.
23. *Гродецкая А. Г.* Чувствительные и холодный: (В. А. Солоницын и семья Майковых); Из переписки В. А. Солоницына и Е. П. Майковой 1843–1844 гг. / подгот. текста, примеч. А. Г. Гродецкой; *Солоницын В. А.* Так они наняли дачу! / публ. А. Г. Гродецкой // Лица: Биографический альманах. Т. 8 / ред.-сост. О. Р. Демидова; отв. ред. Б. Л. Бессонов. – СПб.: Д. Буланин, 2001. – С. 5–49, 53–133, 483–500.
24. **Гродецкая А. Г.* Актуальные проблемы текстологии русской литературы // Русская литература. – 2001. – № 4. – С. 221–227.
25. *Гродецкая А. Г.* Специфика повествовательной формы в «Семейном счастье» Л. Толстого // Молодой Л. Н. Толстой: Сб. статей: Посвящается 200-летию Казанского университета. – Казань, 2002. – С. 25–35.
26. *Гродецкая А. Г.* Экспедиция под великокняжеским благословением: (Плавание фрегата «Паллада» в 1852–1854 гг.) // Пятые Константиновские чтения. – Кронштадт–Стрельна, 2005. – С. 27–36.
27. *Гродецкая А. Г.* Где учился, кем служил Илья Ильич Обломов, и кто такая Милитриса Кирбитьевна... // Русская классика: Проблемы интерпретации: Материалы междунар. научной конференции. – «XIII Барышниковские чтения» (24–25 февр. 2005 г.). – Липецк, 2006. – С. 91–96.
28. *Гродецкая А. Г.* Солоницын Владимир Андреевич // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Большая Росс. энциклопедия, 2007. – Т. 5. – С. 771–773.

29. Гродецкая А. Г., Гаврилова Н. В. Солоницын Владимир Аполлонович // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Большая Росс. энциклопедия, 2007. – Т. 5. – С. 773–774.
30. *Гродецкая А. Г. Живая жизнь в контексте вечности // Русская литература. – 2008. – № 1. – С. 272–275.
То же на англ. яз.: Grodetzkaya A. A. Zverev, V. Tunimanov. Leo Tolstoy // Social Sciences. – 2008. – № 4. – С. 138–143.
31. Гродецкая А. Г. Автоирония у Гончарова // Sub specie tolerantiae: Памяти В. А. Туниманова: Сб. научных статей / отв. ред. А. Г. Гродецкая. – СПб.: Наука, 2008. – С. 532–541.
32. Гродецкая А. Г. Суд, власть и порядок : («варяжский» сюжет в «Анне Карениной») // А. М. Панченко и русская культура: Исследования и материалы. – СПб. : Пушкинский Дом, 2008. – С. 227–238.
33. Гродецкая А. Г. Играл ли Гончаров в «секретари»? (К атрибуции ранних текстов) // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. научной конференции. – Ульяновск, 2008. – С. 287–295.
34. *Гродецкая А. Г., Климова С. М. VI Международная научная конференция в Ясной Поляне // Русская литература. – 2009. – № 2. – С. 240–244.
35. Балакин А. Ю., Гродецкая А. Г., Гуськов С. Н. Обломовская энциклопедия // Вестник РГНФ. – 2010. – № 4 (61). – С. 77–84.
36. *Гродецкая А. Г. «Умный, образованный, но... эстетик»: (Толстой о Гончарове) // Русская литература. – 2010. – № 4. – С. 58–68.
37. *Горышина А. Г. <Гродецкая А. Г.> «Толстой и русские писатели»: V Весенние Толстовские чтения в ИМЛИ // Русская литература. – 2010. – № 4. – С. 119–124.
38. Гродецкая А. Г. Толстой и Гончаров: несостоявшийся диалог // Лев Толстой и мировая литература: Материалы VI Междунар. научной конференции. – Ясная Поляна, 2010. – С. 259–276.
39. *Гродецкая А. Г. Уроки Толстого // Человек. – 2011. – № 1. – С. 168–172.
40. Гродецкая А. Г. О рецензии на «Обломова», не написанной Чернышевским // Обломов: константы и переменные: Сб. научных статей. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 148–153.
41. *Гродецкая А. Г., Климова С. М. Сто лет спустя: VII Международная научная конференция в Ясной Поляне // Русская литература. – 2011. – № 1. – С. 279–283.
То же на итал. яз.: L. N. Tolstoj: cent'anni dopo. Settima conferenza internazionale a Jasnaja Poljana // Enthymema. – 2011. – № 2. – S. 364–372.
42. *Гродецкая А. Г. Милитриса Кирбитьевна в «Обломове», или Об органично противоречивом в поэтике Гончарова // Русская литература. – 2012. – № 2. – С. 34–39.
43. *Гродецкая А. Г. Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия: (принципы, полемика, итоги) // Русская литература. – 2012. – № 3. – С. 70–84.
44. *Гродецкая А. Г. Международная мастерская «Лев Толстой: После юбилея» // Русская литература. – 2012. – № 4. – С. 257–263
45. *Гродецкая А. Г. Убеждающая пристальность: Гончаров и его современники в монографии М. В. Отрадина // Русская литература. – 2013. – № 1. – С. 227–230.
46. Гродецкая А. Г. Героиня в конце романа: Руссо, Гончаров, Чернышевский // XLI Междунар. филологическая конференция (СПбГУ, 26–31 марта 2012 г.): Избранные труды. – СПб.: СПбГУ, 2013. – С. 30–40.
47. Гродецкая А. Г. Реминисценции «Новой Элоизы» в финальных главах «Обломова» и «Что делать?» (еще о «тоске» Ольги Ильинской в «крымской» главе романа Гончарова) // Филологические записки. – Воронеж, 2012–2013. – Вып. 31. – С. 39–50.
48. Гродецкая А. Г. «Пафос середины»: (ирония и автоирония у Гончарова) // Гончаров: живая перспектива прозы: Научные статьи о творчестве И. А. Гончарова / ред.-сост. А. Molnar. – Szombathely, 2013. – S. 38–48. – (Bibliotheca Slavica Savariensis. – Т. XIII).

49. *Гродецкая А. Г.*: «Отцы и дети» в конфликте Гончарова и Тургенева // Тургеневский ежегодник 2013 года. – Орел: Изд. дом «Орлик», 2014. – С. 11–20.
50. **Гродецкая А. Г.* «Случайный» нигилист Марк Волохов и его сословная геральдика // Русская литература. – 2015. – № 3. – С. 5–38.
51. *Гродецкая А. Г.*: Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в «Обрыве» // Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XX междунар. науч. конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 156–162.
52. *Гродецкая А. Г.* Водный ландшафт русской идиллии и идиллика «рыболовных» сюжетов в прозе И. А. Гончарова // Водные пути: пути жизни, пути культуры: Материалы междунар. научной конференции (Тверь, 15–19 сент. 2015 г.) / ред.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. – Тверь: СФК-офис, 2015. – С. 236–246.
53. **Гродецкая А. Г.* Многополярный филологический мир // Филологические науки. – 2016. – № 1. – С. 87–91.
54. **Гродецкая А. Г.* Рецензия на «Обломова», не написанная Н. Г. Чернышевским // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2016. – № 2. – С. 173–184.

В печати

55. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – СПб.: Наука, 2016. – Т. 15: Письма 1842 — январь 1855 / ред. тома А. Ю. Балакин; тексты и примеч. подгот. А. Г. Гродецкая.
56. **Гродецкая А. Г.* «Обрыв», прочитанный в дружеском кругу (два письма Гончарова к Е. А. Языковой) // Русская литература. – 2016. – № 4.
57. Письма А. М. Жемчужникова к Тургеневу (1866–1869) / публ. А. Г. Гродецкой // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы / отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. – Вып. 4. – С. 504–577.